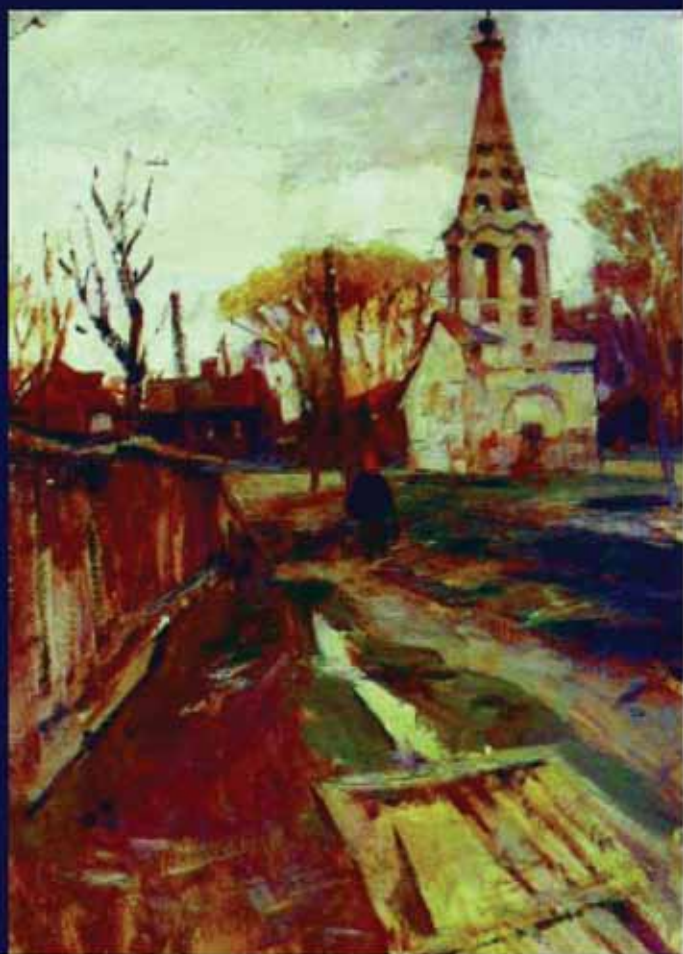

Историко-краеведческий
Альманах
Бежецкий край

1

Александр Иванович Михайлов

Очерки по истории Бежецкого края

Новгородский период

Т

ББ 000

Б 00

ISBN 000-0-000000-00-0

Историко-краеведческий альманах
«БЕЖЕЦКИЙ КРАЙ» Выпуск №1
2011год. - 92 стр.,46 илл.

Учредитель и главный редактор В.В.Козырев.
E-mail: bezhkray@yandex.ru

Обложка:
Заслуженный художник России
Олег Леонидович Ломакин
(1924 - 2010)
«Бежецк. Часовня». 1962 год.

В альманахе использованы графические работы
члена Союза художников России
Л.Н.Константинова (г.Удомля).

© Альманах «Бежецкий край», 2011

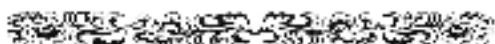
© Издательство «Ванчакова линия», 2011

© ОАО «ТОТ» Вышневолоцкая типография, 2011

**Альманах издается по благословению
Его Высокопреосвященства
архиепископа Тверского и Кашинского
Виктора
на благотворительные средства
бежецких предпринимателей
Никонова Олега Вячеславовича
Тянигина Олега**

Слово редактора

Вы держите в руках первый выпуск историко - краеведческого альманаха «Бежецкий край». Выпуск подобного альманаха назрел давно.

Сохранение исторической памяти - вот основная цель данного альманаха. Сберегать и развивать вековые духовные, культурные традиции родного края - это задача каждого, кто любит свою малую Родину. Возвращая имена бежецких краеведов, историков, учителей нашим читателям - мы восстанавливаем прерванную традицию связи поколений.

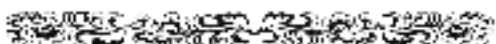
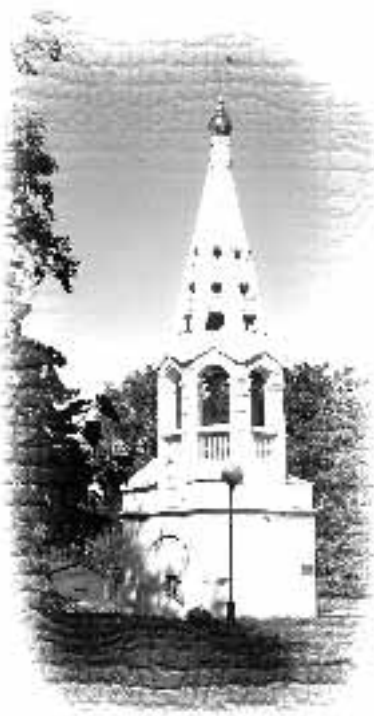
Сегодня мы с глубоким почтением и благодарностью вспоминаем имена зачинателей краеведческого движения в нашем городе: А.И.Михайлова, И.Н.Постникова, А.Г.Кирсанова,

А.И.Голынского, Д.А.Титова, братьев Переслегиных и многих других сподвижников, которые своей гражданской позицией, всей своей жизнью являют для нас пример бескорыстного служения общественным идеалам.

Редакция альманаха «Бежецкий край» благодарит всех земляков, равнодушных людей, кто поддержал это издание, т.к. не зная и не изучая прошлое малой Родины невозможно любить и большую.

Все замечания и пожелания просьба присылать на электронный адрес редакции.

Редактор.

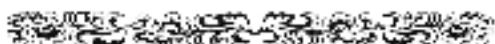

Предисловие к книге А.И. Михайлова „Очерки по истории Бежецкого края (новгородский период)”

Предлагаемая вниманию читателей книга историка-краеведа А. И. Михайлова «Очерки по истории Бежецкого края (новгородский период)» является вторым изданием. Первое вышло еще в 1924 г. Книга посвящена истории Бежецкого края, древнего, новгородского периода и охватывает в основном хронологический период X — XIV веков.

Этот период слабо изучен отечественными историками-краеведами, вызывает немало споров по тем или иным проблемам в связи с отсутствием достаточного количества письменных источников, документов того периода, многие из которых погибли, не сохранились, не дошли до наших дней. Книга Александра Ивановича Михайлова — это первая серьезная попытка научного исследования сложного, противоречивого древнего периода Бежецкого края на основе глубокого анализа исторических памятников, опубликованной литературы, где, так или иначе рассматривается эта проблема. Причем в основу своего исследования автор положил изучение документов, новгородских летописей, писцовых и

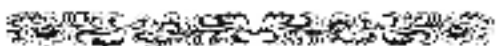
договорных грамот, то есть тогдашнего законодательства древнерусского государства и Великого Новгорода. Кроме того, он широко использовал в своей работе труды крупных отечественных историков, в том числе Н.М. Карамзина, Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, А.Е. Преснякова, которые затрагивали вопросы, так или иначе связанные с историей Бежецкой земли. Работая над книгой, А.И. Михайлов не обошел вниманием и исследования своих предшественников-краеведов, непосредственно изучавших историю края — П.К. Воинова, А.А. Спицина, В.А. Плетнева, Н.А. Попова, И.Н. Постникова и других.*

Большая заслуга автора «Очерков» заключается в том, что он впервые в историко-краеведческой литературе на основе тщательного изучения широкого круга источников, документального материала, исследований своих предшественников попытался рассмотреть целый комплекс социально-экономических, политических, военных и внешних проблем, связанных как с формированием территории Бежецкого края в составе Великого Новгорода, Новгородской республики, так и со стоявшими перед ним внешними и внутренними угрозами. При этом в своих «Очерках» А.И. Михайлов старался представить различные точки зрения историков по ряду спорных, неоднозначных вопросов, и в то же время излагал собственное видение проблемы, иногда предположительно, ввиду отсутствия доказательной документальной базы.

Так, исследуя дискуссионную проблему о времени основания Бежецка, автор полагал, что, в каком веке был основан этот населенный пункт, можно говорить лишь предположительно, хотя в XII веке он существовал. По нашему мнению, основание Бежецка как поселения следует отнести приблизительно к IX — X векам.

Не дается в «Очерках» и точная датировка первых упоминаний в исторических памятниках о Бежецке, хотя на основе изучения законодательных актов Древней Руси называются известные спорные даты — 1135 и 1137 года. Эта тема является предметом дальнейшего изучения.

* В настоящем издании научно-справочный аппарат сохранен в том виде, как он был оформлен автором при первом издании, хотя он не отвечает современным требованиям.

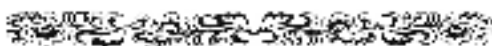
Анализируя в третьем очерке основные направления славянской колонизации Бежецкого края, автор приходит к выводу, что она была, прежде всего, новгородской, выделяя при этом значение рек, которые связывали край с Великим Новгородом.

В пятом очерке А.И. Михайлов поставил весьма важную исследовательскую проблему в плане изучения Бежецкого края — в каких территориальных границах нужно его «мыслить» в отдельные исторические периоды? В этой связи он рассматривал различные точки зрения о понятиях «Бежецкая пятина» и «Бежецкий Верх». Он пришел к выводу, что Бежецкий край в древний период не входил в состав Бежецкой пятины, а только граничил с ней. Думается, такое мнение автора является спорным.

Дискуссионным является и вопрос, сформулированный в «Очерках» о географических и территориальных границах Бежецкого Верха. Согласно концепции автора, это не географическая, а территориально-административная единица, существовавшая в XVI — XVIII веках, вплоть до губернской реформы Екатерины II в 1775 году. Причем автор понимал под Бежецким Верхом Бежецкий уезд, в который входили тогда 11 станов, 2 приселья, 3 волости.

Рассматривая вопрос о формировании территории уезда Бежецкого Верха в указанный период, автор считал, что в него вошли 5 новгородских волостей: Бежичи, Городец, Палец, Мелеча, Шипино, Егна.

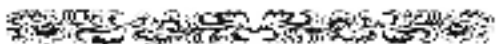
Представляет, несомненно, научный интерес и поставленная А.И. Михайловым в девятом очерке проблема: когда и почему административный центр переместился из Бежичей в Городецко? Однако ответа и на этот дискуссионный вопрос у автора нет, ибо отсутствуют необходимые сведения и документы на этот счет. В «Очерках» изложено мнение И.Н. Постникова по данному вопросу, согласно которому Городецко стал административным центром Бежецкого края с 1272 года, после очередного поражения новгородцев от тверского князя. Не соглашаясь с подобной позицией, А.И. Михайлов высказал такое предположение: административным центром Городецко становился постепенно по мере упадка Бежичей как военно-опорного пункта и вследствие изменения политических связей и отношений Бежецкого края,

который оказался «во владении угличского князя». В результате административный центр переместился в Городецко из Бежицей к XV веку, а не в XIII веке.

В последних двух очерках обстоятельно рассматриваются вопросы хозяйственной деятельности бежецких волостей в XIII — XIV веках и политика московских князей по отношению к ним. Анализируются занятия бежечан охотой, рыболовством, земледелием, а также различного вида промыслами. Однако на развитие экономики края негативные, разрушительные последствия оказывали войны, межкняжеская борьба, в том числе между Москвой и Новгородом. В ходе этой борьбы в 1397 году Бежецкий Верх был присоединен к Московскому княжеству, и в истории края открылся уже новый период, «московский». Такими словами заканчиваются «Очерки по истории Бежецкого края (новгородский период)» А.И. Михайлова. Однако на этом не должны завершиться исследования истории Бежецкого края того периода. Ведь, к сожалению, приходится констатировать и в настоящее время признать, что степень изученности истории Бежецкого края новгородского периода, по сути, осталась почти на уровне столетней давности. Историки-краеведы в этом отношении мало продвинулись вперед по сравнению с тем, что сделал А.И. Михайлов в свое время. Его интересный, содержательный научный труд, конечно, с рядом спорных, противоречивых оценок, служит стимулом, толчком к дальнейшему изучению древнейшего периода истории Бежецкого края, акцентирует при этом внимание на проблемы, обозначенные в одиннадцати ярких, обстоятельных очерках автора. И можно только приветствовать второе издание работы А.И. Михайлова, что является определенным вкладом в становление и развитие бежецкого краеведения. Хочется в этой связи выразить искреннюю благодарность альманаху «Бежецкий край», поместившем в своем первом выпуске работу А.И. Михайлова. В добрый путь!

*Климин Иван Иванович,
доктор исторических наук,
профессор*

Александр Иванович Михайлов
29/10/1889 - 8/06/1940 Письменные памятники не сохранили

От автора

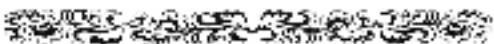
Историю Бежецкого края можно начинать с момента появления на его территории славянских колонистов. Значительный интерес представляет и до - славянское прошлое края, те культуры, которые предшествовали культуре славянской. Но вопрос о смене культур на территории Бежецкого края, начиная, может быть, с культуры палеолита, т. е. древне - каменного века, относится к области доисторической археологии и оставлен нами за пределами настоящих очерков: он требует работы специалиста-археолога.

В качестве ориентировочной статьи, которая суммирует данные археологических находок и археологических раскопок по Бежецкому и соседним с ним районам, можно указать на работу известного знатока русских археологических древностей А. А. Спицина - «Бежецкие древности», помещенную в первом сборнике статей Бежецкого Научного Общества по изучению местного края - «Бежецкий Край» (Бежецк, 1922 г.), а достаточно полное, хотя и несколько устаревшее, описание самих древностей

интересующиеся могут найти в работе В. А. Плетнева — «Остатки древности и старины в Тверской губернии». (Тверь. Издание Тверской Ученой Архивной Комиссии. 1903 г.).

В тесной связи с вопросами доисторического прошлого нашего края стоит и вопрос, который имеет непосредственное отношение к теме настоящих очерков, — вопрос о предшественниках славянских колонистов в Бежецком крае. Этот вопрос мы также обходим, так как у нас под руками не накопилось еще материала, который позволял бы высказать какие-либо соображения, дополняющие или подтверждающие выводы имеющихся исследований. Поэтому интересующихся данным вопросом мы отсылаем к работе гр. А. С. Уварова «Меряне и их быт по курганным раскопкам», помещенной в трудах Первого Археологического съезда в Москве, 1869 г., том II; к статье археолога Европеуса — «О народах средней и северной России до славян» (см. Ж. М. Н. Пр. 1868 г., № 8), а также к изложению этого вопроса в первой главе известного труда В. С. Борзаковского «История Тверского княжества» (СПб, 1878 г.).

Работая над вопросами исторического прошлого Бежецкого края при весьма неблагоприятных условиях, в уездном городе, при отсутствии живой связи с центральными книгохранилищами, мы чувствуем, что в нашей работе должен быть ряд опущений, а может быть и досадных промахов, и обращаемся к читателям с просьбой не отказать нам в соответствующих указаниях, которые будут приняты с глубокой благодарностью.

I. Критика предания об основании Бежичей.

Письменные памятники не сохранили нам воспоминаний о времени основания первых славянских поселений в Бежецком крае; в частности - они ничего не говорят нам об условиях и обстановке возникновения Бежичей, т. е. того населенного пункта, именем которого стал называться край в историческую эпоху. Только косвенным путем, путем сопоставления отдельных исторических известий, мы можем приблизительно указать, в каком веке этот населенный пункт, несомненно, существовал; вместе с тем мы можем предполагать, что основание его нужно отнести к более раннему времени; не исключается также возможность, что это поселение существовало до эпохи славянской колонизации и было основано предшественниками славянских колонистов.

Гораздо определеннее в отношении условий и обстановки возникновения Бежичей свидетельство местного предания. Последнее считает, что Бежичи основали новгородцы, бежавшие из своего родного города вследствие каких-то распрей; оно знает и имена беглецов-основателей.

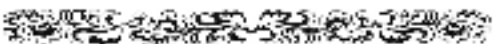
В исторической литературе предание об основании Бежичей появляется в 60-х годах XIX столетия. Распространению предания много способствовало изложение его Н. А. Поповым в «Исторических заметках о Бежецком Верхе XVII и XVIII веков», которые долгое время были единственной работой по истории Бежецкого края и получили довольно широкую популярность. (1) Сообщив предание, Попов приводит ряд общих соображений, подтверждающих, по его мнению, вероятную достоверность устного свидетельства. О времени основания Бежичей - предание, как его излагает Попов, говорит очень неопределенно.

Обычно лица, обращающиеся к историческому прошлому Бежецкого края, без каких либо оговорок сообщают указанное предание; они не подвергают его критике и на основании данных предания считают как бы вполне установленным фактом, что Бежичи основали бежавшие новгородцы.

В отношении времени основания Бежичей - одни полагают, что его нужно отнести может быть к временам доисторическим (Жизневский), а другие указывают на эпоху смут, предшествовавших призванию Рюрика или бывших в его княжение (Никулин). (2)

Местный исследователь И. Н. Постников идет в этом отношении дальше. Он пытается точно установить время, когда именно новгородские беглецы положили основание Бежичам, и ставит это событие в связь с сообщением летописи о смутах в Новгороде, происходивших вследствие недовольства Рюриком «Избежаша от Рюрика из Новгорода в Киев много новгородских мужей», говорит летопись. (3) «Большинство (недовольных) бежало в Киев, а часть устремилась на восток», комментирует Постников летописное известие, бежало — «за естественную границу Новгородских владений, за волок между системой Ильменя и верхней Волги, за р. Медведицу и обосновалось здесь в котловине при озере Каменном с протекающей через него р. Молотой - на водах, которые в отношении продовольствия могли заменить родные Ильмень и Волхов». (4)

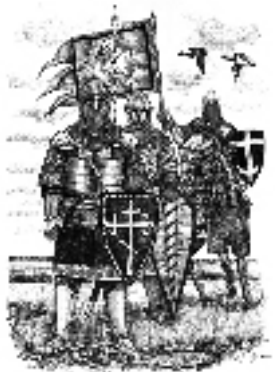
Таким образом, Постников не только находит основателей центрального поселения нашего края, но указывает и время его основания: историческое бытие Бежичей, согласно мнению Постникова, начинается почти

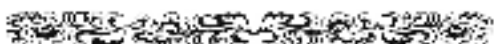
одновременно с моментом основания русского государства.

Однако можно серьезно сомневаться в исторической точности подобного утверждения. Прежде всего, достаточно известно, что смуты в Новгороде, с изгнанием побежденной партии, были, не так редки, а летописный текст не дает никаких оснований связывать возникновение Бежичей с фактом неурядиц в Новгороде в эпоху княжения Рюрика. Кроме того, прежде чем устанавливать, хотя бы и предположительно, связь данных предания с известием летописи о неурядицах в Новгороде, нужно подвергнуть критическому анализу самое предание.

Предание об основании Бежичей не зафиксировано в памятниках древней письменности и письменности XVII и XVIII столетий; нужно предполагать, что оно сохранялось вустной передаче от поколения к поколению. При таких условиях передачи не могло быть значительного перерыва в устной традиции; в противном случае преданию грозила гибель. Отсюда естественно думать, что предание было хорошо известно особенно тем

лицам, которые в далеком сравнительно прошлом интересовались историей города Бежецка и Бежецкого края. Мы знаем двух таких лиц - бежичанина Петра Кузьмича Воинова (5) и тверитянина Диомида Ивановича Карманова; (6) оба они собирали и систематизировали исторический материал во второй половине XVIII века. Воинов, употребивший весьма много усилий, чтобы собрать материал по истории города и края, ничего не знает об основании Бежичей и этим как будто даже удивляет Попова, разбиравшего известия его «Хронологиона». Историю нашего края Воинов начинает с разорения его «во время пленения России от безбожного царя Батыея, мучителя и гонителя христианского, еже бысть в лето 6747 ».(7) И только говоря о нападении литвы на Торжоки Бежецкие волости в 1245 году, замечает: «отчего и самому городу тогда и прежде быти познавается», т. е. считает возможным утверждение, что в это время и даже раньше городуже существовал. - Карманов, тверской

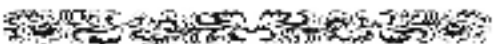

археолог конца XVIII века, в своих «Исторических известиях о принадлежащих к Тверскому наместничеству городах» о Бежецке совершенно определенно пишет: «Акогда и кем сей город основан, а также и на нынешнее место перенесен, известий не сыскано». (8)

Возникает вопрос: почему же Воинов и Карманов не воспользовались данными предания об основании Бежичей? На этот вопрос возможны два ответа: или предания в эпоху Воинова и Карманова совершенно не существовало, или Воинов и Карманов не хотели вносить в свои повествования факта, имевшего только проблематическую историческую достоверность. Третий ответ: предание осталось неизвестным Воинову и Карманову - мы исключаем, как маловероятный, и склоняемся к первому: предания об основании Бежичей во второй половине XVIII века еще не существовало. К такому заключению нас приводит ряд следующих соображений.

Предание говорит, что основателями Бежичей были Петух, Ревяк и Невороть. Попов в подтверждение возможной вероятности факта, устанавливаемого преданием, сообщает, что «до сих пор в Бежецке существуют фамилии Петуховых, Ревякиных и Неворотиных, и при том их очень много». (9) Но ведь для доказательства правильности факта, лежащего в основе предания, недостаточно знать, что в Бежецке во второй половине XIX века было много Петуховых, Ревякиных и Неворитиных, нужно найти подтверждение тому, что эти фамилии ведут свое начало по крайней мере от XI, а по Постникову - от IX века. Постников и делает подобную попытку. Он пишет, что «память народная сохранила несколько фамилий беглецов» (их у него четыре; кроме указанных выше, назван еще Дегтярь), фамилий, «нередко встречающихся в старых Новгородских летописях. (10) К сожалению, в статье не приводится соответствующих ссылок, между тем в Новгородской летописи (по синодальному харатейному списку) перечисленных фамилий совершенно нет; отсутствуют они и в Указателе собственных имен к Полному собранию летописей в издании Археографической Комиссии. Очевидно, здесь какое-то недоразумение, и утверждение Постникова оказывается совершенно необоснованным и неправильным.

Но имена легендарных основателей Бежичей,

сообщаемые преданием, имеют для нас важное значение: они позволяют нам выяснить, почему Воинов и Карманов не знают предания, и где нужно искать начала легенды.

Фамилии Петуховых, Ревякиных, Неворотиных и Дегтяревых упоминаются в исторических памятниках XVI-XVII веков, но тогда они не привлекали к себе чьего либо внимания; это были фамилии рядовых посадских людей, не игравших значительной роли, ни в торговом мире, ни в общественной жизни города. Так, сотная книга, 133 года (1627) знает посадского человека Якунку Самойлова сына Петухова и называет его человеком «молодшим», т. е. по тягловой мощи относит его к самому низшему разряду; упоминает Офоньку Степанова сына Невороти, который «кормится рукоделием» (т. е. мелким заработком) и тоже отнесен к разряду «молодшим», дворы их находились в остроге (в кремле); Офонька Неворот пахал пустое место в Ушатовой улице. В Белеусовой улице, по той же сотной книге, встречаем двор Янки Самойлова сына Петухова («человек молодчей»), который имеет лавку в остроге; в Ушатовой улице упомянут «двор Худака Самойлова сына Петухова да сына ево Офоньки» («человек молодчей»), а также двор Ивашки Васильева сына Ревякина («человек молодчей»); упоминается «место пустое Левки Дехтяря» в Ушатовой улице и Самошка Дехтярь, который пашет место пустое в Белеусовой улице; двора в городе Самошка Дехтярь не имеет. (11) В документах 80-х годов XVII века мы находим Земского старосту Харитонка Ревякина и видим нескольких Петуховых, (12) а в актах городского архива первой половины XVIII столетия все четыре фамилии встречаются довольно часто; это видно уже при беглом обзоре следственных дел, которые были отчасти просмотрены Н. А. Поповым. (13) Присматриваясь к указанным фамилиям, получаем впечатление, что они только еще «выбиваются в люди». Представители этих фамилий крепнут и становятся экономически мощными только в конце XVIII и в XIX вв. Мы не имеем возможности проследить условия экономического роста указанных фамилий, но думаем, что их финансовое благосостояние находилось в некоторой связи с развившейся в городе Бежецке в начале XIX века широкой торговлей местным холстом по поставкам на армию. Во время расцвета экономической мощи этих фамилий, нужно полагать,

возникло и изложенное нами предание об основании Бежичей. В именах легендарных основателей нужно видеть попытку объяснить экономическую мощь купеческих фамилий давностью их происхождения и связать их, ради вящей славы, с начальным моментом в истории Бежецкого края, а вместе с тем отыскать и своих - Рюрика, Синеуса и Трувора или Кия, Щека и Хорива.

Таким образом, по нашему мнению, предание об основании Бежичей является весьма поздним домыслом и находится в связи с моментом роста торговой и общественной роли перечисленных купеческих фамилий. В эпоху Воинова и Карманова предания еще не существовало.

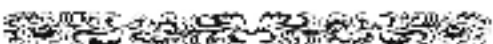
Сам по себе этот домысел обнаруживает рационалистичность (надуманность) своего построения: название поселения и толкование этого названия дали автору его возможность считать, что Бежецк основали беглецы из Новгорода, а основатели названы по имени предполагаемых древних родоначальников мощных купеческих фамилий, причем возможно, что фамилии Ревяк и Петух образованы из Ревякин и Петухов по аналогии с Неворотом и Дегтярем.

В том и другом случае играла роль этимология и, кроме этимологии, в домысле ничего нет, за исключением разве лежащей в основе его правильной мысли о древнейшей связи нашего края с Великим Новгородом.

Постников полагает, что Петух, Ревяк, Неворот и Дегтярь бежали из Новгорода вследствие недовольства Рюриком; но заметим, кстати, что перечисленные фамилии - прозвища настолько демократичны, что едва ли носители их могли принадлежать к группе лиц, игравших роль в Новгородской политике.

О Петухе говорить нечего; всем известно выражение «петушиться», разве прибавить, что «петухом» называется еще рыбий потрох. «Ревякин» - это прозвище медведя, а кроме того, есть слово «ревяк», обозначающее рыбу раму, которую не едят. «Неворот» - неповоротливый, неловкий; а слово «дегтярь» или «дегтярь» употребляется в значении мелкого промышленника дегтекура. (14)

Отсюда, что изложенное нами и подвергнутое критике предание об основании Бежичей является более или менее поздним домыслом,

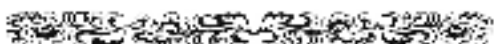

а не представляет собою простую передачу исторического факта, отчасти свидетельствует и то обстоятельство, что существовало и другое предание, изображавшее дело несколько иначе. Так, Плетнев сообщает, что согласно данным другого предания, город Бежецк был основан лицами, бежавшими под натиском татар из города Холопьево, который был по преданию расположен на территории современного села Загородья, Вышневолоцкого уезда (на левом берегу р. Мологи). (15)

Если первое предание получило широкое распространение, то это объясняется не тем, что оно было наиболее достоверным, а тем, что оно имело достаточно обоснованную вероятную достоверность, поддержанную авторитетами в области истории местного края (Попов, Покровский, Постников), и чаще излагалось в печатных работах исторического характера.

Примечания

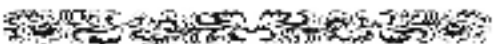
1. Чтения в Обществе Ист. И Др. Росс. При М. универ., 1881 г., кн. 3; III, стр. 19-20; изд. И отдельной брошюрой.
2. Плетнев В.А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тв. 1903 г. Стр. 408-409.
3. Никоновская летопись., стр. 17.
4. Постников И.Н. Город Бежецк. Исторический очерк. Газета «Бежецкий Вестник» за 1917 г., № 11.
5. О нем см. в указанной выше работе Н.А. Попова, гл. I и II. Рукопись П.К. Воинова хранится в Тверском Музее; см. Сперанский М.Н. Описание рукоп. Твер. Музея, стр. 306, № 218 (3124).
6. Работы Д.И. Карманова изданы Тв. Уч. Арх. Ком.- Д.И. Карманов «Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края». Приготовил к изд. Вл.И. Колосов. Тверь. 1893. Собранию сочинений предпослан очерк Колосова о Д.И. Карманове.
7. Попов Н.А. Указ. Соч. стр. 18.
8. Собран. Соч. Карманова. Стр. 139.
9. Попов Н.А. Указ. Соч. стр. 19.
10. Постников И.Н. Указ. соч. Газ. «Бежецкий В.», 1917, № 12.
11. Сотная книга 133г. Копия с копии Архив Бежецк. Научного Об – ва по изуч. Местного края. Напеч. В «Пам. Кн. Тверской губ.» 1863 г. Отд. IV. К сожалению, мы не имели возможности воспользоваться печатным текстом.
12. Попов Н.А. Указ. соч. стр. 54, 66, прил. 21 и 32.
13. То же, стр. 38 – 40.
14. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. См. т. III, стр. 1416, 1777; т. II, стр. 1319. По изд. 1912 г.
15. Плетнев В.А. Указ. соч., стр. 354.

II. Первые упоминания исторических памятников о Бежецком крае.

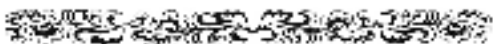
Наиболее древним памятником, в котором встречается название, тождественное имени нашего края, является «Устав Ярослава о мостах», (1) имеющий в виду распределение повинностей по мощению Великого Новгорода. Текст этого устава, приписанный к Русской Правде и сохранившийся в рукописи XIII века, включает в себе много неясностей и допускает различные толкования. В нем мы имеем ряд собственных названий Новгородских улиц, концов и сотен, которые представляли собою составные части В. Новгорода, а вместе с ними ряд собственных имен, в отношении которых трудно сказать, обозначают ли они сотни, или под ними нужно разуместь какие либо другие подразделения самого города или даже Новгородской области. К числу таких названий относится и название «Бежитьская (Бежичкая)». Одни полагают, что это - название новгородской сотни, так как оно вместе с другими следует непосредственно за перечислением сотен; другие видят в

этом и следующих за ним именах названия Новгородских пятин или вообще крупных областных единиц Новгородской земли.

Первого мнения придерживается, между прочим, и несколько раз, упомянутый нами Попов; (2) второе мнение мы встречаем у издателя Устава Дубенского (3) и у Владимирского - Буданова. (4) Н. М. Карамзин также считал названия, упомянутые в Уставе после перечисления сотен, именами областей Новгородских, но одновременно писал, что может быть такими, же именами назывались, и сотни или части города. (5) Иная точка зрения высказана Мрочек - Дроздовским; он полагает, что название «Бежичкая» и ряд других имен нельзя отнести к сотням; сотни в Уставе названы стами, и их названия в родительном падеже; нельзя отнести их и к пятинам, ибо многие из них не совпадают с именами пятин: эти названия только и можно отнести к слову рель (риль), упоминаемому в Уставе. «Рель» имеет значение мостовой настилки, площадки уличного или речного моста, мостового участка. (6) Мнение Мрочек-Дроздовского достаточно обосновано грамматическим анализом текста.

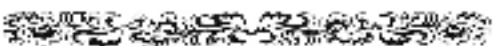
Упоминание в Уставе Ярослава о мостах Бежецкой мостовой рели указывает нам, что в Новгороде была группа лиц, которая имела какое - то отношение к Бежецкому краю, так как название Бежичкая, очевидно, имеет связь с именем Бежичи, которое начинает часто встречаться в Новгородской летописи с 1245 года. Мрочек-Дроздовский видит связь Бежецкой группы в Новгороде с Бежецким краем в предполагаемом факте переселения этой группы из поселения Бежичи в Новгород. «Бежецкая рель», пишет Мрочек-Дроздовский, «это мостовой участок переселенцев в Новгород из Бежичей». Но возможно и другое предположение, вероятность которого подтверждается общими соображениями о социально-экономическом укладе В. Новгорода. Известно, что руководители новгородской политики были «бояре» и «житий люди» - знать, разбогатевшая на Новгородском «торгу» и овладевшая постепенно правом на важнейшие государственные должности; эта знать была госпожой новгородского рынка и обладательницей земельных богатств; она возглавляла и те внутри - городские, общественные организации, которые носили названия сотен, улиц и концов. Этой знати принадлежала инициатива колонизации северных новгородских областей;

задачи колонизации заключались в отыскании и захвате с целью эксплуатации новых районов промысловой добычи. Так было, например, в Кареле, Обонежье, Заволочье и Югре. (7) Можно думать, что в более раннее время, сравнительно с колонизацией Поморья и других северных областей, эта же знать руководила колонизационным движением в области, непосредственно примыкавшие к основному ядру Новгородских земель. Тогда внутри - городская организация, обязанная по Уставу Ярослава мощением Бежецкой рели, может мыслиться нами, как группа, возглавлявшаяся представителями крупного капитала, развивавшего свои операции через экономически зависимое от них мелкое новгородское купечество главным образом на территории Бежецкого края. Отсюда могло произойти и ее название, и название Бежецкой рели.

Второе свидетельство письменных памятников о Бежецком крае заключается в Уставной грамоте новгородского князя Всеволода Мстиславича церкви св. Иоанна Предтечи на Опоках (около 1135 года); в этой грамоте духовенству Ивановской церкви предоставляется право взимать пошлыны «с Тверского гостя и с Бежецкого, и с Деревьского, и со всего Помостья». (8) Кого именно нужно разумеать под Бежецкими гостями или купцами, сказать трудно, но вероятнее всего это - новгородские купцы, имевшие торговые связи с Бежецким краем. Самое слово «гость» имело значение не только приезжего купца, но и купца местного, занимавшегося отъезжим торгом. Известно, что отдельными единицами, а иногда и целыми обществами, новгородские гости были разсеяны по разным волостям. Обычно такие общества не имели постоянного жительства в волости, а только наезжали туда временами.- Уставная грамота Всеволода Мстиславича подтверждает достаточно ранние экономические связи Бежецкого края с Великим Новгородом.

Третье свидетельство о Бежецком крае мы имеем в Уставе Новгородского князя Святослава Ольговича о епископской дани. Устав Святослава обычно датируется 1137 годом, но данные о нашем крае можно считать более поздней вставкой, так как они помещены после заключительных слов грамоты, «А се Бежичьский ряд, читаем мы по тексту Карамзина: в Бежичах 6 гривен и 8 кун, (в, Городецке полпята гривен, в Змени 5 гривен,

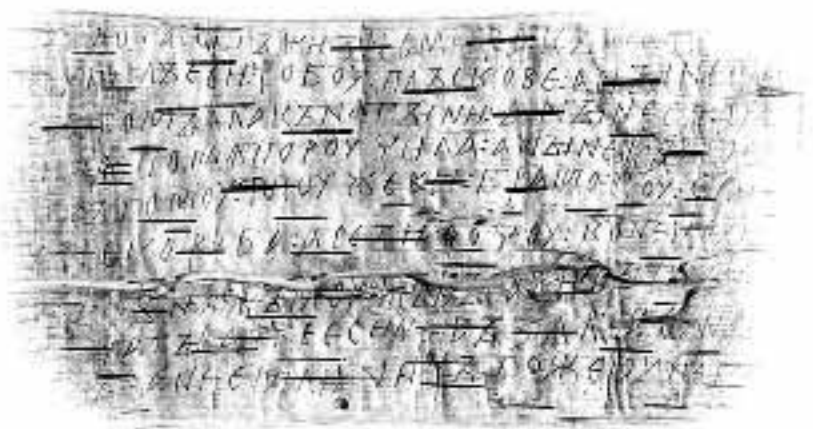
Езьске 4 гривны и 8 кун, Рыбаньске гривна Волжская, Выизьске полгривны Волжская». (9) В качестве памятника по истории Бежецкого края Устав Святослава имеет двойное значение; с одной стороны - это свидетельство об определенном факте, а именно о церковной доле в княжеских доходах с Бежецкой волости, с другой - в этом свидетельстве дан ряд географических названий, которые представляют исключительный по ценности материал для выяснения территории края, как она сложилась ко времени написания памятника. Прежде всего, мы и используем этот историко-географический материал.

На первом месте среди поселений, упомянутых в Бежецком договоре, Устав называет Бежичи; с этого поселения епископ должен был получать наибольшее количество дани. Нет сомнения, что Бежичи - это населенный пункт на месте или около современного погоста Бежицы, находящегося по течению р. Мологи, на левом берегу оз.Ямного, в расстоянии 12 верст от г.Бежецка, и окруженного курганными древностями нескольких столетий, с сохранившимися остатками городища. Происхождение названия Бежичи местное предание, как мы видели, объясняет от глагола бежать. Такого же мнения придерживается и Попов; в доказательство он ссылается на тот факт, что в одном историческом памятнике встречается выражение «бежане», обозначающее группу бежавших людей. (10) Слово «бежане» действительно происходит от глагола бежать, но название «Бежичи» естественнее объяснять от существительного того же корня, которое имеет свое особое значение, какого мы обычно не мыслим при слове «бежать». Есть старинное слово «бежь» (женского рода), обозначающее беглых людей, бродяг.(11) От этого слова вероятнее всего и происходит название Бежичи. Наличие на территории современного погоста Бежиц норманских курганов (12) невольно заставляет думать о возможной связи названия поселения с его древнейшими «гостями», а может быть и основателями, предприимчивыми и воинственными северными бродягами.

Городецко, поставленное в Уставе Святослава на втором месте, а по количеству причитающейся с него епископской дани и, следовательно, по своему экономическому значению, являющееся четвертым,- это поселение на месте современного

города Бежецка. Раньше Бежецк, как это видно из документов XVI и XVII столетий, назывался - «Городецко в Бежецком Верху», а иногда ему усваивалось название уезда, т. е. «Бежецкий Верх» и «посад Городецкой», почему и посадские люди города назывались и «городечане» и «бежичаня». (13) Имя Бежецка появилось в XVIII столетии и окончательно утвердилось за ним при екатерининской губернской реформе. Самое название Городецко происходит от слова «город» (град) - в смысле укрепления, крепостной стены; «городецко» - небольшое, может быть подсобное, укрепление.

«Змень», а вероятнее всего - Взмень – Узмень, (14) нужно полагать - поселение на месте современного погоста Узмень, на р. Мологе, ниже по течению, на правом берегу оз.Верестова, в 16 -17 верстах от г.Бежецка. Название «Узмень» местные люди считают татарским, а потому и время основания поселения относят к эпохе татарского нашествия; но, как видим, это поселение существовало в XII столетии, когда о татарах не было еще слышно. Другие полагают, что слово Узмень славянского происхождения и что в нем в качестве составной части заключается корень слова «узкий»; но от прилагательного узкий возможно образование существительного «узьень», а не узмень. Всего вероятнее, что название «Узмень» происходит от слова «усма», что значит

- выделанная кожа, а отсюда название – усмарь - кожевник, скорняк и «усменный» - кожаный, а с кратким окончанием - «усмен». (15) Конечно, такое толкование слова Узмень - только предположение, и нет достаточных оснований считать его единственно возможным.

За Узменью Устав Святослава называет Езьско или Езьск. Очевидно, что это - поселение на месте современного села Еськи. С таким же именем и в соседстве с селом Алабузином и Новоселками оно упоминается в одной договорной грамоте XV века. (16) Название поселения, несомненно, славянского происхождения. Оно объясняется из слова «ез», которому Даль в своем Толковом словаре дает такое объяснение: «ез или яз - частокол или плетень поперек всей реки, чтобы не дать рыбе вверх хода и выловить всю на месте: городьба, перебой, закол, учуг; если во всю ширину реки, то это заезок». (17) Село Еськи расположено на левом берегу реки Мологи, при впадении в нее реки Осени, в районе, который даже в настоящее время достаточно богат рыбой и в котором сохраняется рыболовный промысел, как важное подсобное, а для некоторых жителей и основное занятие. В Уставе Святослава Езьско поставлено рядом с Рыбаньском, и оба они вместе взятые невольно напоминают обычное выражение исторических памятников XV - XVI столетий, употреблявшееся для обозначения рыбных угодий: «и с езы и с рыбными ловлями».

Рыбаньск, нужно полагать, поселение на месте современного села Рыбинского, расположенного на правом берегу р. Мологи; древность этого поселения свидетельствуется имеющимися здесь курганами.

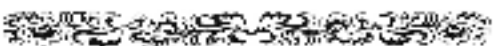
Только в отношении Выизьсканет возможности приурочить его к какому-либо населенному пункту на современной карте Бежецкого уезда, и приходится ограничиться пока утверждением, что оно находилось не так далеко от района

только что перечисленных поселений, может быть дальше по р. Мологе или в бассейне ее верхнего течения. Профессор В. А. Егоров высказал по этому вопросу ряд соображений, которые привели его к мысли, что Выизьск нужно искать на месте современной деревни Вышки, расположенной в Трестенской волости на левом берегу р.Тихвины. (18)

Название ряда или договора Бежецким указывает нам, что Бежичи были центром округа и что этот округ или волость имел вполне определенное значение для Новгородских властей. Сам округ на основании данных Устава Святослава может быть определен, как район верховьев р. Мологи. Можно думать, что этот именно район и был первоначальной территорией волости «Бежиче», о которой говорят памятники XIII и следующих столетий.

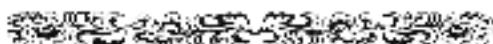
Устав Святослава ничего не говорит о соседних с Бежичами районах современного Бежецкого уезда, но думается, что в XII веке как на север, так и на юг от волости Бежиче постепенно шло славянское расселение, и завязывались экономические связи с Бежичами.

Данные Устава Святослава и ранее указанных памятников позволяют сделать следующие выводы: центром нашего края в далеком историческом прошлом было поселение Бежичи на месте современного пог.Бежиц; оно уже существовало в XI веке и имело экономические связи с В. Новгородом; в дальнейшем произошло перемещение центра из Бежичей к поселению на месте современного города Бежецка; это поселение носило название Городецко и, несомненно, существовало наряду с Бежичами в XII веке.

Примечания

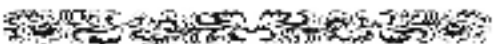
1. Новгородская Летопись (по синод. харат. списку). Изд. Арх. Ком. II. 1888. Стр. 488. См. также «Русские Достопамятности», ч. Вторая. М. 1843 г. Стр. 289 – 315.
2. Попов Н.А. Указ. сочинение, стр. 20.
3. «Русские Достоп.», ч. Вторая, стр. 304.
4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права, изд. 2-е, 1888 г. Стр. 61.
5. Карамзин Н. История Госуд. Росс., т. II, примеч. 108, стр. 59. (по изд. 1818 г.)
6. Мрочек-Дроздовский П. Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде. Изд. О-ва Ист. И др. Р.М. 1917 г. Стр. 14.
7. Сравни. Ключевский В. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. Опыты и исследования. М. 1912 г. Стр. 4-6 и след.
8. Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. I. Киев 1889 г. Стр. 236.
9. Карамзин М.Н. История Гос. Рос., т. II, примеч. 267, стр. 156 (по изд. 1818 г.)
10. Попов Н.А. Указ. сочин. Стр. 20
11. См. Даль. Толковый словарь, т. I, стр. 371 по изд. 1912 г.
12. См. Спицын А.А. Бежецкие древности. В сб. «Бежецкий край». Бежецк 1922 г. Стр. 14.
13. См. напр., у Шумакова — Обзор грамот Коллегии Экономии, вып. 1, стр. 31, 58, 66, а также у Попова, стр. 57, 58, 61, 63, 66 и др.
14. Такое название в качестве географического термина встречается в Новгородской летописи в рассказе о событиях 1242 года. Там Узмению названо одно урочище на Чудском озере. См. Новг. Лет., стр. 260.
15. м. Даль, т. IV, стр. 1072.
16. Соб. Гос. Гр. И Дог. Т. I, стр. 131.
17. Даль. Т. I, стр. 1288.
18. Егоров В.А. Где нужно искать древний Выизьск? Рукопись, хран. в Бежецком Научном Об-ве по изуч. местного края. Предположена к печати.

III. Основные направления славянской колонизации в Бежецком крае.

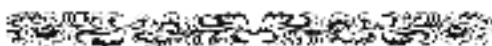
Заселение восточно-европейской равнины происходило по рекам и речкам. Громадное значение речной системы в истории колонизации нашей страны было достаточно ярко выявлено еще С. М. Соловьевым, который развил теорию речных областей в древней Руси; он отметил, что реки служили у нас проводниками первого населения, что по ним сели племена, на них образовались первые города, что границы речных систем послужили естественными границами княжеств.⁽¹⁾ Влияние рек на установление экономических связей и отношений и их политическое значение было отмечено и В.О.Ключевским. «Речными бассейнами, читаем мы в его курсе, направлялось географическое размещение населения, а этим размещением определялось политическое значение страны. Служа готовыми первобытными дорогами, речные бассейны своими разносторонними направлениями рассеивали население по

своим ветвям. По этим бассейнам рано обозначились различные местные группы населения, племена, на которые древняя летопись делит русское славянство IX – X веков, по ним потом сложились политические области, земли, на которые долго делилась страна, и с этим делением соотносились князья в своих взаимных отношениях и в своем управлении. В первоначальном племенном, как и сменившем его областном, земском княжеском делении древней Руси легко заметить это гидрографическое основание». (2) «Самый ход колонизации (восточно-европейской равнины), пишет Н. А. Рожков, находился в сильной зависимости от рек, перерезавших в разных направлениях страну, а также от лесов, ее покрывавших: поселенцы двигались именно по рекам и обыкновенно замыкались в бассейне той реки, где оседали, будучи изолированы от своих соседей непроходимыми лесами, занимавшими водоразделы между разными бассейнами». (3)

Нельзя не отметить значения рек и в истории колонизации Бежецкого края. Реки прежде всего связывали Бежецкий край с областью В.Новгорода - центром славян ильменских. В своем движении в бассейне верхнего и среднего течения р. Мологи новгородцы имели достаточно удобные водные пути. Один из них шел с севера Ладожским озером на Сясьское устье, затем Сясью и Тихвиной, от Тихвины по Чагодоше в Мологу (через Устюжну). Другой путь шел по реке Мсте, которым через озеро Мстино, р.Цну и волок Вышний Волочек обычно попадали в р.Тверцу и затем Волгу, а не доезжая до волока В.Волочка волоком у Млева можно было через реку Волчицу попасть на верховья реки Мологи. Еще севернее можно было через волок Держков попасть в р.Кобожу и затем в Мологу. Юг современного Бежецкого уезда был связан с Мстинским путем р.Медведицей через реку Тигому. Попадая на р.Медведицу по ее притокам, можно было подняться до верховьев р. Мологи, а притоками верхней Мологи - Мелечей и Могочей - двигаться на север и северо-восток.

Удобство перечисленных водных путей и было использовано Новгородцами как в интересах эксплуатации естественных богатств соседней восточной области, так и в интересах освоения защитно-опорных пунктов - областей по району торговых дорог

с северо-запада по юго-восток. Этими же водными путями шла и свободная колонизация новгородских славян-промышленников, - рыболовов и охотников.

Из собственно новгородских пределов Бежецкий край и получил основную массу славянских колонистов. «Молога, говорит Барсов, - известный исследователь вопросов русской исторической географии, служила главным путем распространения новгородских славян в финской области, которая ограничивается с северо-запада и востока ее круговым течением, и где находились важные Новгородские волости».(4)

В настоящее время население Бежецкого уезда весьма сложно по своему этнографическому составу, но и сейчас в нем сильны новгородские элементы. Это прежде всего заметно в местном наречии. Наличие «цваканья» и «чваканья», замена звука «ч» звуком «ц» и наоборот, является, как известно, одним из существенных признаков собственно новгородского и вообще кривичских (новгородского, псковского и полоцко-смоленского говоров).(5) Несмотря на продолжительное влияние города и школы в отношении

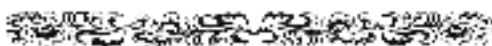

постепенного вытеснения местных особенностей языка, цваканье и чваканье до сих пор сохранилось даже в подгородних районах; их мы наблюдаем в Узменщине (районе п.Узмень) и в Горщине (районе п.Бежицы), а также в Бельшине, у Теблешан, в Ильгощах и др. местах.

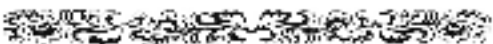
Можно полагать, что на территории Бежецкого края (именно в южной его части) столкнулись две струи славянского колониационного движения - славян новгородских и кривичей смоленских. Последняя могла идти по той ветви великого водного пути из Варяг в Греки, которая от Смоленска направлялась по рекам и волокам к верховьям Волги, к волокам по Мете, к Торжку и Твери. Упомянутый выше Барсов полагает, что «если справедливо, что колониационное движение славян вообще совершалось по рекам..., то часть верхнего Поволжья между Угрою, Окою, Клязьмою и Волгою, пересекаемая течением Москвы и Клязьмы, скорее всего могла заселиться кривичами». Особенно вероятным такое предположение Барсов считает в отношении излучины, которая образуется течением Волги от устья Тверцы до Костромы, так как сюда могли двигаться выходцы с верховьев Днепра и с верхней Волги, которую летопись указывает, как место исконных кривских поселений.(6)

В эпоху, ближайшую к моменту основания русского государства, и в X и XI веках, новгородская колонизация была активной колонизацией и связывала политически и экономически Бежецкий край с Новгородской республикой. Факт новгородской колонизации Бежецкого края не подлежит ни какому сомнению; о нем говорят исторические памятники и его подтверждает последующая история края.

В отношении колонизации нашего края славянским племенем кривичей документальных данных нет; это является только вероятным предположением. Не в

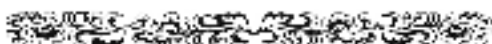

качестве доказательства, а в качестве рекогносцировочной детали интересен один факт из области географической номенклатуры. В Бежецком уезде есть село Киверичи; оно находится в юго-восточной части уезда, в бассейне р.Медведицы. Известный историк Н. И. Костомаров, отмечая особенности наречия Новгородского края, указывает в их числе на замену одних слогов другими в некоторых многосложных словах, например намастырь вместо монастырь.(7) По аналогии, возможно предполагать, что название Киверичи произошло от слова кривичи. На этот факт обратил внимание еще первый исследователь древностей южной части Бежецкого уезда - Ф. Н. Глинка; в имени села Киверичи он видел указание на колонизацию кривичей в Бежецком крае.(8)

Примечания

1. Соловьев С.М. История России с древн. Врем. Т.I. гл.1., стр.12, 2-е изд.
2. Ключевский В.О. Курс Русской истории.,ч. 1, лекция IV, стр. 67-68. 3-е изд. М. 1908 г.
3. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно – историческом освещении., т. II, стр. 13. 1922 г.
4. Барсов. Очерки русск. истор. географии. Стр. 22 – 27. Цитир. по кн. Борзаковского «История Тверского княжества», прим. 34, стр. 9.
5. См. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М. 1907 г., стр.35.
6. Барсов. Указ. соч.,стр. 153–154. Цит. по Борзаковскому, прим. 31, стр.7–8.
7. Костомаров Н.И. Северо-русские народоправства во времена удельно вечевоего уклада.Собр. соч. в изд. Лит. Фонда, кн. III т. VII и VIII, стр. 19.
8. Глинка Ф.Н. Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии, в Бежецком уезде. Стр. 23 и 29. Русский Ист. Сборник, т. I. 1887 г. М.

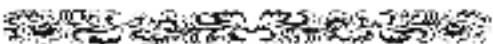

IV. Географические условия Бежецкого края в эпоху славянской колонизации основные черты хозяйственного быта славянских поселенцев

Вопрос о географической обстановке, в какую попадали славянские колонисты, расселяясь по территории Бежецкого края, имеет весьма серьезное значение: географические условия являлись основной предпосылкой хозяйственной деятельности поселенца, так как прежде всего природа давала материал для его работы и от нее он получал важнейшие средства для удовлетворения своих жизненных потребностей.

Обилие рек и лесов являлось основной особенностью северо-востока европейской равнины и в частности Бежецкого края в момент славянского расселения. При отсутствии значительных гор, реки и леса создавали географический ландшафт.

Реки Бежецкого края восемь-девять веков тому назад были более многоводными и заключали в себе гораздо большие рыбные богатства. Судя по данным общего характера, в отношении всех вообще рек Европейской России, рыбные богатства были

весьма значительно исчерпаны населением уже к концу XIV в. До этого времени в реках водилось большое количество рыбы и она была разнообразнее. На основании летописных данных, относящихся к Новгородской области, можно заключить, что в древнейшее время в реках Бежецкого края были и такие сорта рыбы, которые в настоящее время нам совершенно неизвестны (напр. упоминаемые летописью остреды).

В момент славянской колонизации Бежецкого края он был почти сплошь покрыт лесом. Еще в 80-х годах XVIII столетия из общей площади Бежецкого уезда того времени в 618,755 десятин под лесом и кустарниками находилось 431,473 десятины, т. е. 63 % всей площади.

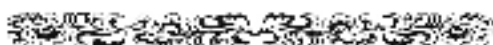
В отдельных районах Бежецкого края до половины XVI столетия были особенно значительные лесные массивы; надо думать, что они были расположены по водоразделам. Памятники XVI века знают Клинский лес, который дал свое имя современной Лесоклинской волости, и употребляют такие Реки

Бежецкого края восемь-девять веков тому назад были более многоводными и заключали в себе гораздо большие рыбные богатства. Судя по данным общего характера, в отношении всех вообще рек Европейской России, рыбные богатства были весьма значительно исчерпаны населением уже к концу XIV в. До этого времени в реках водилось большое количество рыбы и она была разнообразнее.

На основании летописных данных, относящихся к Новгородской области, можно заключить, что в древнейшее время в реках Бежецкого края были и такие сорта рыбы, которые в настоящее время нам совершенно неизвестны (напр. упоминаемые летописью остреды).

В момент славянской колонизации Бежецкого края он был

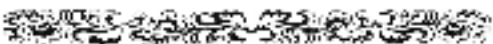

почти сплошь покрыт лесом. Еще в 80-х годах XVIII столетия из общей площади Бежецкого уезда того времени в 618,755 десятин под лесом и кустарниками находилось 431,473 десятины, т. е. 63 3% всей площади.

В отдельных районах Бежецкого края до половины XVI столетия были особенно значительные лесные массивы; надо думать, что они были расположены по водоразделам. Памятники XVI века знают Клинский лес, который дал свое имя современной Лесоклинской волости, и употребляют такие характерные названия, как Заборовье, Заборье и др. За долгий исторический период изменился и состав лесных пород, вывелись, напр., дубовые рощи, воспоминание о которых живет в некоторых географических названиях (напр. Дубинята, на территории г.Бежецка, на берегу р.Остречины) и поддерживается находками дубовых колод в размытых берегах рек.

Прежние леса были весьма богаты пушным зверем. Кроме белок, зайцев и лисиц, обычными были куницы, кабаны, вероятно, лоси и даже олени; было больше медведей. Еще от начала XVI века сохранилась грамота вел. кн. Семена Ивановича, предписывавшая Присецким селам и деревням Троице-Сергиева монастыря «посылать с тех сел и деревень на (княжескую) ловлю, на медведи, на лоси и на олени, с сохи по пяти человек». (1) Очевидно, что эта охота находилась не так далеко от Присецких сел. Теперь о целом ряде ранее многочисленных зверей остались только воспоминания, а отдельные представители их встречаются в наиболее глухих местах нашего края, напр., в Федяйковском лесничестве, расположенном в с.з. углу Бежецкого и с.в.Вышневолоцкого уездов. Исторические памятники XVII и XVIII ст., т. е. спустя 7 - 8 веков от момента славянской колонизации края, говорят нам, что еще тогда в нашем уезде была обычной охота на куниц и медведей. (2) Памятники конца XVII в. указывают, что в Бежецком крае по р.Мологе в то время водились бобры и существовали особые бобровые гоны. (3)

Кроме пушных зверей, в лесах Бежецкого края было значительное количество пернатых. Обычной лесной и водной дичью были тетерева, гуси, утки и журавли; из породы уток особенно ценились гоголи (были особые гоголиные ловы) - крупный вид гагар, черных водяных кур. Не были редкостью в

лесах нашего края и дикие пчелы.

Воспоминания о бывших лесах Бежецкого края сохранились в ряде таких названий населенных пунктов, как Бор, Борки, Борок, Поддубная, Раменье, Залесье, Дуброва и т.д., в районах, которые в настоящее время являются совершенно безлесными. Такое же значение воспоминаний о былом богатстве Бежецкого края зверем имеют названия - Медведиха, Медведево, Медвежья гора, Белкино, Язвиха (язвец - харщук, норное животное барсук, *meles*, схожее со свиньей и с медведем), Зайчиха, Язвица, Берлоги, Гоголиха, Вепрь (дикий кабан, дикий свиней самец); воспоминание о кабанах живет также в названии «свиные горы», которое встречается в значительном количестве уголков Бежецкого уезда, а воспоминание о барсуках - в названии «язвиные норы». Писцовые книги XVI в. знают по нашему уезду такие названия, как Вепрец, Лосиха, Гоголец, Оленино и др.

Описанная географическая обстановка Бежецкого края была весьма выгодной для развития добывающей промышленности, главным образом, охоты и рыбной ловли. Реки - рыбой, а леса - зверем давали поселенцу средства к существованию.

К занятиям добывающей промышленностью побуждали славянских колонистов Бежецкого края не только географические условия, но и экономические связи. Выходя из области славян новгородских, первые славянские насельники нашего края оставались, как видно было из приведенных нами выше исторических памятников, в сфере политического и экономического влияния В. Новгорода, а последний, как мы знаем, был крупным торговым центром, посредником между западом - с одной стороны, и юго-востоком - с другой. В Новгороде был весьма емкий рынок сырья - меду, воску, рыбы и главным образом мехов. Этот рынок должен был определяющим образом влиять на характер хозяйственной деятельности населения, выходившего из новгородского ядра и постепенно захватывавшего территорию раскинутых к северо-востоку финских поселений.

К условиям географическим и экономическим нужно присоединить и социальную обстановку; если признать, что инициатива колонизационного движения в Бежецкий край, хотя бы только и отчасти, принадлежала новгородской знати, то нужно

полагать, что последняя сознательно направляла деятельность зависимого от нее населения на мелкие промыслы, так как была заинтересована в получении сырья для сбыта.

Таким образом и географическая обстановка, и экономические связи, и социальные условия заставляли первых славянских поселенцев в охоте, рыбной ловле и, может быть, отчасти бортовом пчеловодстве видеть свое основное занятие.

Конечно, жители Бежецкого края не сами непосредственно отправляли свое сырье на новгородский рынок; это сырье попадало в обороты новгородского торгового дела в качестве даней и оброков и через предприимчивых и энергичных новгородских гостей, разъезжавших по водным путям своевременного русского севера.

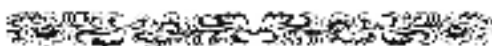
Земледелие для первых славянских поселенцев Бежецкого края также было обычным занятием, но обслуживало только потребительские нужды хозяйствовавшей семьи. Сравнительно с собственно Новгородской областью, в Бежецком крае были более благоприятные почвенные условия для развития земледельческой культуры, но все же земледелие было затруднительным: за землю - нужно было бороться с лесом; такая борьба и была начата; но она сделалась сильной только тогда, когда к этому стали побуждать новые экономические условия, выявившиеся в XIII—XIV веках. Климат Бежецкого края также не особенно благоприятствовал земледелию; масса лесов и болот должна была влиять на образование изморосей и утренников, губительных для растений. На эту климатическую особенность мы имеем указания даже от XVIII века, когда количество лесов и болот несомненно сократилось. Корреспондент Вольного Экономического Общества В.Приклонский в своих ответах на «вопросы, касающиеся до земледелия и внутреннего домашнего хозяйства» по соседнему Кашинскому уезду, писал в 70-х годах XVIII в.: «встающие из болот в ненастное время пары, которые

крестьяна называют мгою, много вредят несозревшим еще и наливающимся овсяным и пшеничным зернам. Ибо если где таковая мга хватит, так зерно бывает и не столь полно и не столь бело. В таковое время рожь едва сам друг приходит, овес также; а ячменю насилу семена возвращаются. Горох и гречиха нередко и головой пропадают». (4)

Мнение Постникова, высказанное им в Историческом Очерке гор. Бежецка, о том, что земледелие определяло значение Бежецкого края для Новгорода (Постников называет Бежецкий край новгородской житницей), с нашей точки зрения не имеет под собой объективных оснований.

Примечания

1. Шумаков С. Обзор грамот Коллегии Экономии. Вып. 1. Обзор Бежецких и Алатырских актов. Стр. 65.
2. Генеральное соображение по Тв. Губ., стр.67.
3. Борзаковский. История Тверского княжества. СПб. 1876. Прим. 16, стр.5.
4. Труды Вольного Экономического Общества, 1774 г., ч. XXVI, стр. 5-6.

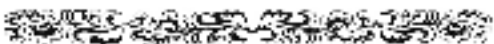

V. Бежецкий край и Бежецкая пятина Великого Новгорода.

Ясность исторических представлений возможна только при условии точного определения историко-географических понятий. Поэтому весьма существенное значение имеет вопрос о том, каких территориальных границах нужно мыслить Бежецкий край в отдельные исторические эпохи.

В настоящее время самым обычным является представление Бежецкого края в административных границах уезда. Но на наших глазах эти административные границы подвергаются изменениям и не являют собою примера постоянства. Для более ранних исторических периодов, когда и географическая обстановка, и экономические условия, и политические связи были иными, конечно, нет никаких оснований считать, что Бежецкий край приблизительно совпадал с границами современного уезда, - и ограничиваться подобным утверждением. Историческая точность требует, чтобы понятие Бежецкого края для каждой эпохи было определено на основании исторических данных.

Представление о далеком прошлом Бежецкого края очень часто связывается с представлением о Бежецкой пятине В.Новгорода.

Так, известный организатор статистико-экономических работ и изысканий по Тверской губ. - В.И.Покровский в кратком историческом очерке г. Бежецка утверждает, что Новгородские беглецы, основавшие Бежецк (Покровский исходит из данных предания), «не совсем отрешились от Новгорода, но составили одну из Новгородских пятин, называвшуюся Бежецкой», что «Бежецк был главным местом Бежецкой пятины В.Новгорода».(1) Е.К.Огородников в своем труде о поселениях Российской империи считает, что местности, лежавшие около озера Верестова (район центральной части современного Бежецкого уезда), издавна находились в черте Новгородских владений и до конца XV в. принадлежали к составу Бежецкой пятины, получившей свое название от Бежецка».(2) Ту же мысль мы находим и в Энциклопедическом Словаре Бр.Гранат под словом «Бежецк».(3)

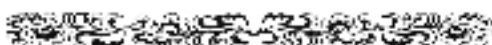
Местный исследователь Постников в своем Историко-Географическом Очерке «Бежецкий Верх» полагает, что Бежецкая область возникла «за естественной границей» исконной новгородской земли и вместе со смежной ее полосой составила одну из обширных Новгородских пятин. «Правда, говорит Постников, учреждение пятин относят к более позднему времени и приписывают Ивану III. Но принято полагать, что при этом учреждении имелось в виду уже ранее существовавшее

разделение Новгородской земли на части. В отношении Бежецкой пятины это тем вероятнее, что ко времени учреждения пятин Иваном III сам город Бежецк уже отошел к Москве и, однако же, пятине усвоено название Бежецкой. Очевидно, Бежецкая пятина - это что-то исстари существовавшее около Бежецка, о чем у правительства и в народе установилось настолько определенное представление, что отнять старое имя представлялось невозможным».

(4)

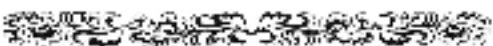
Такое утверждение заставляет

мыслить Бежецкий край в раннюю историческую эпоху весьма значительной территорией, а это в свою очередь создает соответствующее представление о центральном поселении края. Исторические памятники более позднего времени (XVI и XVII ст.) знают область Бежецкого Верха и область Бежецкой пятины В.Новгорода, как две обособленные единицы. Исследователи, придерживающиеся изложенной выше точки зрения, считают, что область Бежецкого Верха, как она представляется по данным исторических памятников XVI и XVII ст., является отторгнутой в результате политических событий частью древней Бежецкой пятины. Между тем нет вполне определенных исторических данных, которые бы говорили нам, что такое утверждение имеет значение исторического факта.

Мысль о том, что собственно Бежецкая область, как она представляется по данным XVI—XVII веков, в древнейший период ее исторического прошлого составляла единое административно-хозяйственное целое с Бежецкой пятиной, поддерживается главным образом тем, что название пятины, несомненно, произошло от имени центрального поселения нашего края. Но ведь на основании этого факта нельзя еще утверждать, что Бежецк был когда-то политическим и экономическим центром Бежецкой пятины, что эта пятина сформировалась около Бежецка, почему и получила от него свое название. Бежецкая пятина, как мы знаем, делилась на две половины - Тверскую и Белоозерскую, но из этого мы не заключаем, что одна половина имела политическим и экономическим центром Тверь, и другая—Белоозеро; эти названия только указывают нам, в каком направлении были расположены земли названных половин; одна примыкала к Тверским владениям, а другая к Белоозеру. Можно думать, что и название пятины имело такое же значение, как и название ее половин, или, как полагает один из исследователей вопросов исторической географии Новгородской земли - Неволин, название ее могло произойти от направления или пути, по которому надо было ехать в крайние оконечности этой пятины.(5)

Представление Бежецкого края XVI - XVII в. в качестве оторванной части Бежецкой пятины (или вообще крупной областной единицы, хотя и не называвшейся пятиной, но территориально совпадавшей с ней) предполагает признание древне-новгородского происхождения пятин или областных

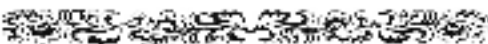
единиц, тождественных пятинам. Но в исторической литературе нет прочно установившегося мнения по вопросу о происхождении пятинного деления. Большинство историков склонялось к теории древне-новгородского происхождения пятин (Соловьев, Замысловский, Беляев, Владимирский-Буданов, Ключевский, Платонов), но еще в половине 19 столетия упомянутый выше Неволин в своей работе «О пятинах и погостах Новгородских в XVI в.» высказал предположение о московском их происхождении.(6) Теория Неволина не нашла в исторической литературе значительного количества сторонников (ее придерживались Костомаров, Чичерин, Сергеевич), но в последнее время она выдвинута с новыми обоснованиями Андрияшевым.(7) Андрияшев считает, что пятинное деление явилось в результате организации переписи Новгородских земель, поступивших в распоряжение Московского правительства после массового переселения новгородских землевладельцев в 1489 г., которым заканчивался процесс превращения Великого Новгорода в «волость царя и великого князя». На основании анализа данных о границах пятин он устанавливает, что между пятинами и теми делениями Новгородской земли, которые существовали в Новгородской республике в эпоху ее самостоятельности нет какой-либо связи и соответствия. Пятинное деление по мысли Андрияшева, было делением чисто переписным, искусственным; оно не затрагивало народной жизни и не имело под собой оснований в народно-бытовом и экономическом укладе.

Мнение Андрияшева имеет за собой весьма веские основания. Но если даже считать открытым вопрос о происхождении пятин, при изучении вопросов исторической географии Новгородской земли вообще и Бежецкого края в частности, нужно исходить только из таких данных, какие имеются в сохранившихся исторических памятниках, а последние не знают пятинного деления.

Таким образом, по нашему мнению, нужно отказаться от утверждения, что Бежецкий край в древнейший период входил в состав Бежецкой пятины Великого Новгорода, и Бежичи были политическим и экономическим центром последней, так как исторические памятники ничего не говорят нам об этом. Они устанавливают только следующие факты: в XVI веке существовало пятинное деление Новгородской земли; среди пятин была и пятина Бежецкая; Бежичи и большая часть территории современного Бежецкого уезда не входили в состав

Примечания

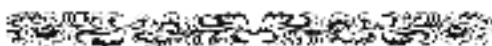
1. Сборник материалов для статистики Тверской губернии, составленный по поручению Тв. Губ. Зем. Собр. Вып. II. Тв. 1874 г. Город Бежецк; стр. 1-2. Ср. Географическо-статистический словарь Российской Империи, сост. П. Семеновым, т. I, стр. 949. СПб. 1863.
2. Истор. Свед: о городских поселениях Тверской губ. Извл. из труда Е. К. Огородникова, VIII ч. Городские посел. в Р. Имп. Изд. Тв. Уч. Арх. Ком. Старица. 1905 г. Стр. 38.
3. Т. VII. 7-е совершенно переработ. Изд. Стр. 300.
4. Постников И. Н. Бежецкий Верх, в сборн. «Бежецкий Край». Б. 1922 г. Стр. 21 – 22.
5. Неволин. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. Зап. Р. Геогр. Об., т. VII. СПб. 1853 г. Стр. 54.
6. Там же, стр. 43 – 54.
7. Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1489 – 1576 гг. Чт. в Общ. Исти Др. Р. При М. Ун. 1914 г., кн. 3 (230) стр. XLV- XLIII.

VI. Географическое понятие Бежецкий Край в XVII- XVIII столетиях.

Вполне достаточный историко-географический материал для определения территории Бежецкого края дают писцовые книги и переписные книги XVII столетия. В этом столетии под Бежецким краем понимался уезд, носивший название Бежецкого Верха. «В его состав, говорит Ю.В. Готье, входила вся местность, ограниченная на западе пятинами, на севере и востоке древними Углицкими волостями (на востоке рубеж в значительной степени совпадал с нынешней границей Тверской и Ярославской губерний), на юге - старыми землями великого княжения Тверского».(1) Уезд заключал в себе 11 станов: Каменский, Пироговский, Ивановский, Верховский, Городецкий, Мещерский, Антоновский, Есеницкий, Полянский, Березовский и Лошицкий, два приселья: Еськи и Максимовское, и три волости: Сулежскую, Дорскую и Лесоклинскую. Такой состав он сохранял до Екатерининской губернской реформы 1775 года: окладная книга Бежецкой воеводской канцелярии

1773 г., с данными которой знакомит нас указанная выше статья Постникова «Бежецкий Верх», указывает в составе Бежецкого Верха те же станы, приселья и волости.

Определив состав станов и волостей по окладной книге 1773 года, Постников приходит к выводу, что «Бежецкий уезд в XVIII ст. по своей площади был вдвое обширнее современного Бежецкого уезда. В него входила большая часть нынешнего Весьегонского уезда и значительная часть Кашинского» (уезды берутся в дореволюционных границах). Границы уезда Постников определяет следующим образом: «Начинаясь приблизительно у села Пылева, граница шла нынешним Весьегонским уездом на Сушигорицы, Пнево и Черемись, а затем по территории Бежецкого уезда к с. Курганы; от Курган почти прямой линией на погост Ивана Милостивого; отсюда делала загиб к Дрюцкову; от последнего поворачивала на погост Медвежью Гору, от Медвежьей Горы к Замытью и от Замытья к Застолью. Пограничную линию

с противоположной стороны дают возможность восстановить характерные названия двух селений у конечных ее пунктов, - на севере дер. Столбища, у села Черницкого, Весьегонского у., и с юга с. Столбово, Кашинского уезда. Начиная с округи с. Телятина, граница шла по большой дороге от Весьегонска к Угличу, на село Хабоцкое, огибала затем Шаблыкино и Пруды и, выходя близ последнего села

на Ярославский рубеж, шла этим рубежом до с. Раменья при Рыбинском тракте, повертывала отсюда на Столбово и дальше совпадала с нынешней Бежецко-Кашинской границей до с. Старых Сеток. На юге эти боковые границы Бежецкого Верха замыкались рекой Медведицей и на севере - большой дорогой из Устюжны в Весь Егонскую».(2)

Таковы были приблизительные очертания территории уезда Бежецкого Верха в XVII - XVIII в.в., и такое географическое содержание нужно вкладывать в понятие Бежецкого края для данного периода.

Наибольший интерес представляет для нас западная граница Бежецкого края в XVII в., так как та или иная ее характеристика должна дать нам материал по вопросу о том, насколько значительными могли быть ее изменения в более раннюю историческую эпоху.

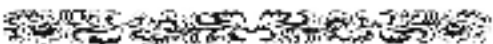
В XVI в., как можно видеть из карты Новгородских пятин составленной Невוליным на основании анализа данных писцовых книг, эта граница оставалась без существенных перемен. Восточный рубеж Бежецкой пятины проведен Невוליным приблизительно по линии водораздела между бассейном реки Кестьмы и р. Мелечи - с одной стороны, и правыми притоками р. Мологи - Кадью и Малиной - с другой, вообще восточная граница на севере по карте Неволлина приблизительно отсекает к пятине весь тот изгиб, какой делает р. Молога, направляясь от с. Еськи на запад, поворачивая на границе современных Бежецкого и Вышневолоцкого уездов на север приблизительно до впадения в нее р. Кобожи, и двигаясь от Кобожи на восток. Дальше к югу Неволин представляет восточную границу почти как прямую линию от с. Еськи к верховьям реки Сенницы, являющейся притоком Медведицы, и затем проводит ее по этой реке.(3)

Можно с уверенностью полагать, что западная граница Бежецкого края в XVI в. (она же восточная граница Бежецкой пятины) была естественной границей. Она не потеряла своего значения даже в настоящее время, когда леса по этой границе в значительной степени вырублены, болота высыхают. Очевидно, именно характер этой границы имел в виду и автор одной рукописи, в которой мы читаем, что Бежецкий край был окружен великими лесами и непроходимыми болотами, так

что новгородцы ездили в Бежецк не иначе, как от Устюжны по р.Мологе.(4) Интересна и оговорка Постникова, что Бежецк возник за естественной границей Новгородской земли, оговорка, которая создает внутреннее противоречие в его дальнейших утверждениях.(5)

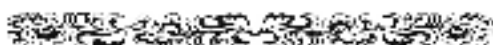
В силу указанных соображений можно предполагать, что и в далеком историческом прошлом восточная граница основного ядра Новгородских владений была приблизительно такой же, как и в XVI-XVIII веках. В данном случае возникает только одно недоразумение, требующее объяснений. Считая, что собственно Бежецкая область в XVII в. была ограничена указанным выше рубежом и предполагая, что этот рубеж был естественной границей и в более раннее время, как смотреть на то обстоятельство, что Рыбаньск, который в XII веке, как это определенно известно из Устава Святослава об епископской дани, входил в состав первоначального ядра Бежецкой области, а в XVI в. и позднее включался в состав Бежецкой пятины? Мы не умеем с достаточной определенностью объяснить, почему именно и когда Рыбаньск, а может быть, и район ненайденного нами Выизьска, стали числиться в Бежецкой пятине; во всяком случае, мы считаем, что эта часть собственно Бежецкой области в силу каких-то неизвестных нам обстоятельств была оторвана от Бежецкого края к Бежецкой пятине. Интересно отметить, что указанная нами выше естественная граница именно в районе Рыбаньска пересекается течением реки Мологи, и именно сюда выходит кратчайшая дорога с р.Мсты, этого, по выражению проф. Платонова «магистрального пути, на который можно было выйти с разных волоков».

Таким образом, восточная граница основного ядра владений Новгородской республики в период XII и следующих веков, до момента, который нами пока не может быть определен с точностью, в районе западного течения реки Мологи должна быть отодвинута с востока на запад, сравнительно с границами Бежецкой пятины в XVI в.; район Рыбаньска и Выизьска в состав этих владений не входил. За этой границей дальше на восток лежал край, который в XVI-XVII-XVIII столетия носил название уезда Бежецкого Верха.

Примечания

1. Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. Опыт. иссл. по ист. экономич. быта Моск. Руси. М. 1906 г. Приложение. Матер. по историч. Географии. М. Р., стр. 551.
2. Постников И.Н. Бежецкий Верх. Стр. 25.
3. Неволин. Указ. соч., см. карту и стр. 215.
4. Плетнев В.А. Указ. соч., стр. 423.
5. Постников И.Н. Бежецкий Верх, стр. 21.

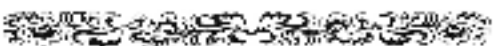

VII. Новгородские волости, вошедшие в состав уезда Бежецкого Верха.

Установив с достаточной определенностью территорию уезда Бежецкого Верха в XVII—XVIII столетиях, на основании данных XIII - XIV веков, можно определить, какие Новгородские владения в более раннее время были расположены на указанной территории; другими словами - можно выяснить, из каких элементов сложилась территория уезда Бежецкого Верха.

Основной материал по исторической географии Новгородской земли в XIII -XIV веках дают сохранившиеся до нас духовные и договорные грамоты. Они, прежде всего, приводят нас к заключению, что в эпоху самостоятельного существования Новгорода наиболее обычным делением Новгородских владений, примыкавших к основному ядру Новгородской земли, было деление на государственные волости, в составе которых, в свою очередь, было несколько более мелких волостей. Вот обычная формула Новгородских договорных грамот: «А се, княже, волости Новгородские: Волок с всеми волостями, Торжок,

Бежиче, Палиць Горьдьць, Мелеча, Шипино, Егна, Заволочье, Тре, Пермь, Печора, Югра, Вологда».(1)

Можно предполагать, что это перечисление построено на хронологическом основании и приблизительно отображает последовательность распространения новгородского влияния на востоке.

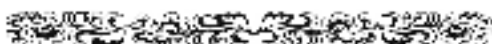
Обращаясь к раскрытию географического содержания формулы, начнем с той волости, которая дала название нашему краю.

Волость «Бежиче», очевидно, лежала по верхнему течению р.Мологи, охватывая ее до поворота с запада на север. Нет возможности точно определить границы этой волости; данные устава Святослава, о которых мы говорили выше, не дают для этого достаточного материала; они, нужно думать, только отмечают поселения в достаточно ранний момент новгородской колонизации в этой области.

За волостью Бежиче в грамотах обычно следует географический термин «Городец Палець» или «Палиць». При толковании этого термина мы, прежде всего, встречаемся с вопросом, есть ли это название волости или только название города. В литературе по этому вопросу имеется несколько случайных замечаний, которые должны остановить на себе наше внимание.

Готье в «Материалах по исторической географии Московской Руси» отождествляет Палиць Городец с крепостью Городецко, где впоследствии вырос современный город Бежецк. «Центром уезда (Бежецкого Верха), пишет Готье, был город Городец или Городецк и с.Бежичи, которые упоминаются до 1471 года в числе Новгородских волостей (С. Г. Г. и Д., 1, стр. 28: Бежичи, Палиц Городец.(2) Такое отождествление едва ли является правильным. В договорных грамотах название Палиц Городец дважды заменено названием Городец; однако трудно допустить, что этим именем называлась крепость Городецко (впоследствии город Бежецк), так как в договорных грамотах перечисляются волости, а не отдельные, хотя бы и укрепленные поселения: Городецко же входил в состав волости Бежичи, о чем достаточно ясно говорит Устав Святослава, включая его в состав поселений непосредственно Бежецкой округи вместе с Узменью и Еськом.

У Попова по этому вопросу мы встречаемся с некоторою

неясностью, которая заставляет предполагать, что и он Городец считает тождественным с крепостью Городецко.(3)

Костомаров городок Палец ищет в районе р.Медведицы, в южной части современного Бежецкого уезда, указывая, что «там теперь есть деревня Пальцево, напоминающая название древнего городка».(4)

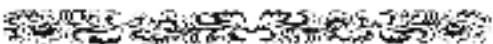
Считая Городец Палец волостью, естественно согласиться с мнением Костомарова и искать как самую волость, так и укрепленное поселение этой волости в районе р. Медведицы. Этот район отделен от собственно Бежецкой волости линией водораздела, имел важное значение для Новгорода, как

пограничный с Тверскими землями, впоследствии составлял особый Каменский стан и был густо населен. На основании летописного известия под 1096 г. можно полагать, что в XI веке течение р.Медведицы принадлежало новгородцам. Эта река отделяла Новгородские земли от Ростовской области, а впоследствии от Суздальской; рекою Медведицею Новгородцы выходили на Волгу. Трудно допустить, что этот район, географически обособленный, население которого даже в настоящее время имеет этнографические особенности сравнительно с населением Бежецкой округи, входил в состав волости Бежиче; здесь должна была организоваться

самостоятельная волость; по нашему мнению, к этому району и относится название договорных грамот «Городец Палец».

В этом районе в настоящее время есть две деревни с названием Пальцево: одна по среднему течению р.Сенницы, на ее левом берегу, на границе Замытской и Селищенской волостей старого

административного деления; другая между Медведицей и Сенницей, на с - в от первой, в пределах Толмачевской волости. Новгородские писцовые книги также знают в этом районе, входившем в XVI в. в состав Бежецкой пятины, починок Пальцово в погосте Богородицком - Залазинском и дер. Палцово на реке Сеннице в волостке Клину, которые соответствуют указанным двум деревням на современной карте Бежецкого уезда. (5) К которой из деревень Пальцово приурочил «Городец Палець» Костомаров, сказать трудно. Во всяком случае В.А.Плетнев в своей работе «Об остатках древности и старины в Тверской губернии» совершенно не упоминает ни об одном из указанных пунктов. Нет сомнений, что существование деревень с названием Пальцово является характерным и показательным для района, который, по нашему мнению, носил название Городца Пальца, но искать центр волости Городца Пальца исключительно в селениях с названием Пальцово, кажется нам, не является обязательным, тем более, что волость «Городец Палець» в договорных грамотах, как уже было упомянуто, дважды называется просто «Городец».

Может быть, городок Палец был на месте современной деревни Городок, которая находится на левом возвышенном берегу р.Медведицы, где до настоящего времени сохранились остатки древнего городка, стоявшего, по мнению Преображенского, для защиты Каменского стана Бежецкого Верха. (6) Вся местность, где, как мы предполагаем, находился городок Палец, изобилует курганными древностями. На них давно уже было обращено внимание. «Все местные обстоятельства, писал в 80-х годах XIX столетии исследователь древностей Тверской Карелии Ф.Н.Глинка, взятые в совокупности, ведут к уверенности, что на месте недавно бывшего Каменского стана существовал давно древний город скандинавов или великий град словян». (7)

Кроме приведенных выше соображений, отметим еще один факт. В договорных грамотах в формуле Новгородских волостей «Городец Палець» сразу же встречается с указанием: «а то есми дал Иванкови», «а Городец, княже, дал Дмитрий с Новгородци Иванку». (8) Кто такой Иванко, мы не знаем, но нужно иметь в виду, что в Новгородской практике имелись случаи отдачи пригородов в кормление. Обычно это значило, говорит Костомаров, «что Новгород считает необходимым усилить средства защиты

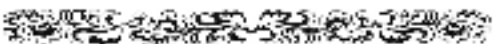
пригорода и окружающей его местности»(9) Сообщение об отдаче Городца Пальца Иванкови значится в договорных грамотах 60-х годов XIII века, т. е. как раз в то время, когда отношения между Новгородом и Тверью были враждебными, происходили частые столкновения, и необходимо было, прежде всего, озаботиться защитой Тверской границы Новгородских владений, которая как раз шла по району р.Медведицы, по правому ее берегу.

Район волости «Мелеча» определяется ее названием. Мелечей называется река, протекающая по направлению с севера на юг, из современного Весьегонского уезда в Бежецкий, сливающаяся с р.Могочей в пределах нынешней Поречской волости (около с.Чижева), образуя р.Осень, которая вливает свои воды почти под прямым углом в р.Мологу у с.Еськи. Каких либо более определенных данных о районе этой волости в известных нам исторических памятниках нет.

Что касается волости «Шипино», то в настоящее время в районе Бежецкого и Весьегонского уездов нет селений с подобным названием, но есть речка Шипенка, впадающая в реку Кестьму, и пустошь Шипино, а если мы обратимся к грамотам Коллегии Экономии, то трижды встретим и название Шипино. В купчей Симонову монастырю 1543-1544 г. упоминается Шипино в Ясенском стану; в разъезжей землям Троице-Сергиева монастыря встречаем деревни «дворцового села Шипина» и, наконец, в одной закладной 1585 г. в качестве послуха видим земского дьяка «Шипинской волости».(10) Пустошь Шипино, очевидно, является территорией, на которой в XVI в. существовало известное из исторических памятников «Государево Дворцовое село Здвижение на Шипине». Можно думать, что упоминаемую в договорных грамотах волость Шипино и нужно предполагать именно в этом районе, в районе реки Кестьмы; для определения размеров древней волости исторические памятники не дают определенных данных.

Волость «Егна», очевидно, совпадала или была несколько шире Веси Егонской; центром ее, может быть, был теперешний город Весьегонск. Название сохранилось в имени города, деревни Егны (около села Макарова), р.Егонки (Егницы), впадающей в Мологу против города, и озера Егно.

Более точное определение районов отдельных перечисленных

нами волостей, по нашему мнению, может дать изучение географических особенностей края. Если припомним значение рек и речных бассейнов в истории колонизации и рассмотрим территорию Бежецкого уезда XVII века с точки зрения расположения в нем речных бассейнов, то получим весьма интересную картину, дополняющую материалы исторических памятников.

Проводя линию водораздела между бассейнами верхнего течения р.Мологи и бассейном р.Медведицы, на юг от этой линии мы получаем географически обособленный район бассейна левых притоков р.Медведицы, к которым относятся реки Сенница, Каменка, Ивица, Дрозна, Теблеш и Яхрома.

Выделив бассейн притоков верхней Мологи, кроме Мелечи, мы также получим географически обособленную область, границы которой только на западе не будут иметь определенности, именно там, где Молога пересекает линию водораздела. Притоками верхней Мологи в данное время являются: реки Вечерня, Неглыбка, Бережа, р.Большая Сосница, рч.Каменка, рч.Моглужа, р. Остречина (ее притоки: Белая, Ротунька, Величка), рч Крупа, р.Осень, р.Могоча (ее притоки: Ратужа, Песочня, Хвошевка, Чернушка, Неледина), Медведка, Бобровка, Живоглянка, Колпинка, Ретишна, Лойка и Уевешь с притоками: Гончаркой, Сулежкой, Каменкой, Лишкой и Сиглинкой.

На северо-западе от этого района будет находиться район бассейна реки Мелечи; он определяется на севере линией водораздела между ним и бассейном р.Кестьмы, с юго-востока - линией водораздела верхних притоков Мологи, а с запада-восточной границе Бежецкой пятины. В бассейн р.Мелечи входят: ручей Мелечина, р.Белая (ее притоки: Талица, Десна и Ломана) и р.Ужень с притоками -Середой и Кончинкой.

На с.-в. от района р.Мелечи находится бассейн р.Кестьмы (ее притоки: Алешинка, Кочемля, Малиновка, Перемит, Поденка, Желемья, Малина), который на с.-з. граничит с бассейном р.Рени.

Сравнивая данные исторических памятников о Новгородских волостях с данными географического характера, можно прийти к заключению, что перечисленные нами волости совпадают с намеченными бассейнами, а потому и границы волостей могут

быть приблизительно определены, как границы указанных речных бассейнов, а именно: - волость Бежиче - это бассейн верхнего течения р Мологи и ее притоков без Мелечи; Бежичи будут находиться в центре района; волость Городец Палець - бассейн левых притоков р.Медведицы, волость Мелеча - бассейн р.Мелечи, волость Шипино - бассейн р.Кестьмы и волость Егна -бассейн реки Рени.

Таким образом, в состав уезда Бежецкого Верха, по нашим предположениям, вошло 5 новгородских волостей, названия которых мы постоянно встречаем в новгородских договорных

Примечания

1. С. Г. Г. и Д., т.1., стр.3
2. Готье Ю.В. Указ. соч., стр. 551.
3. Попов Н.А. Указ. соч., стр. 20.
4. Костомаров Н.И. Указ. соч., стр. 269 – 270.
5. Новгород. писц. книги, ч. 1, стр. 143 и 158.
6. Плетнев В.А. Указ. соч., стр. 452.
7. Глинка Ф.Н. Указ. соч., стр. 8.

VIII. О происхождении названия "Бежецкий Верх".

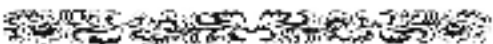
Отдельное перечисление в договорных грамотах XIII-XIV вв. новгородских волостей, входивших в XVII в. в состав уезда Бежецкого Верха, заставляет думать, что в начальный момент славянской колонизации нашего края они представляли собой отдельные административно-географические единицы. Может быть, самое заселение этих волостей происходило в разные хронологические моменты, и даже колонизационное движение эти волости шло из разных районов собственно новгородских земель.

Впоследствии Новгородско-Бежецкие волости стали составлять одно административное целое. Возникает вопрос: административное деление положило начало их объединению или оно существовало раньше, до организации уезда Бежецкого Верха, существовало в эпоху XIV-XIII в. и в более раннее время. Готье в своей работе, посвященной исследованию экономического быта Московской Руси в XVII в., останавливаясь на происхождении

уездов Замосковского края, считает Бежецкий Верх типичным примером уезда - пограничной области, составившейся из земель, бывших в известное время предметом борьбы нескольких соседних княжений. «Расположенный между Новгородскими владениями, пишет Готье, Бежецкой пятиной и мелкими волостями, расположенными по ее границам, с одной стороны, - землями Тверскими - с другой, и ранним промыслом Московских князей — Угличем - с третьей, Бежецкий Верх некоторое время составлял предмет борьбы между тремя соседями; оставшись, в конце концов за Москвою, он окончательно вошел в состав общегосударственных земель в первой половине XVI столетия. В это же время, вероятно, сформировалась и территория уезда, причем к землям собственно Бежецкого Верха присоединены были старинные Новгородские волости - Егна, Мелеча и другие».(1) Из этого, как будто, следует, что Бежецким Верхом раньше, до XVI в., называлась только волость Бежиче, и что объединение около этой волости других волостей произошло в связи с формировкой уезда, как административной единицы. Для решения вопроса следует обратить внимание на самое название - «Бежецкий Верх».

Постников, обращаясь к вопросу о происхождении этого названия, связывает его с предполагаемым фактом перемещения областного города края в XIII в. со старого места, от современного погоста Бежич, вверх по течению р. Мологи, к современному городу Бежецку. «При всяком почти раздоре Новгорода с Тверью и Москвой, пишет Постников, что бывало часто, враг, прежде всего, старался занять своими войсками «волости Бежецкие» или Бежецкий Верх, как стал называться Бежецкий край в последней четверти XIII века, со времени перенесения областного города от разоренных Бежич вверх по Мологе к крепости Городецко».(2)

Едва ли возможно согласиться с таким мнением. Название области Бежецким Верхом не могло произойти в результате случайного и второстепенного события. Самый термин «Верх» по отношению не только к волости Бежиче, а вообще ко всем Новгородско-Бежецким волостям, встречается в исторических памятниках раньше последней четверти XIII в. Так, в Новгородской летописи (по синод. харат. списку) под 1196 г. читаем: «и съдѹмавъше Новгородѹще, и показаша

путь из Новгорода, и выгнаша и на Гюрьевъ день, осень, Ярослава князя. Иде князь Ярославъ на Новый тѣрг, и прияша и Новоторжцы с поклономъ, и жяляху на немъ в Новгороде добрии, а знии радовахуся...; а Ярослав княжеше на Тѣртьжкѣ въ своей волости, и дани пойма по всему Вѣрху (курсив наш) и Мѣсте и за Волокомъ вѣзьма дань». (3) Слово «Верх» употреблено здесь в качестве географического термина, обозначающего область, заключающую в себе несколько административных единиц; недаром говорится не просто по Верху, а по всему Верху. Этот географический термин относится к верховьям р.Мологи. Издатели Новгородской летописи вполне определенно считают этот Верх - Бежецким Верхом.(4) Употребление же термина «Верх» без прилагательного «Бежецкий» наводит на мысль, что это весьма старый термин, может быть, старше термина «Бежиче». Происхождение этого термина нужно поставить в связь с географическим положением края. Примыкая с юга к низине по течению реки Тверцы и с запада - к долине р.Мсты, он представляет собою возвышенность, которая бросается в глаза даже при беглом наблюдении рельефа. Эта возвышенность охватывается течением Мологи и Волги. На ней была расположена не одна только волость Бежиче. Под Бежецким Верхом, как видно из текста договорных грамот, разумелись Новгородско-Бежецкие волости, вошедшие впоследствии в состав уезда Бежецкого Верха: таким образом, они уже в древнейший период своего исторического прошлого мыслились как географически и экономически объединенное целое. Самое название этой области Бежецким Верхом говорит нам, что наибольшее значение среди волостей имела волость Бежиче. Исторические памятники не вскрывают нам постепенного процесса объединения Новгородско-Бежецких волостей около волости Бежиче, но можно думать, что такой процесс происходил, и что на развитие этого процесса влияли как экономические условия, так и целый ряд политических событий.

В дальнейшем изложении, говоря о Бежецком крае, мы и будем понимать не только волость Бежиче, а территорию пяти Новгородских волостей, которая на севере была ограничена средним течением р.Мологи - от Устюжны к Вельегонску, а на юге - течением р.Медведицы.

Примечания

1. Готье Ю.В. Указ. соч., стр.199.
2. Постников И.Н. Бежецкий Верх, стр. 23.
3. Новгород. лет., стр. 173.
4. Там же. См. указатель географический, стр. XLV.

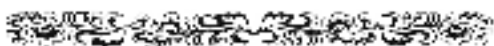

Проспект Ленина. 1960-е гг.

IX. Характеристика положения Новгородско-Бежецких волостей в составе владений В. Новгорода в XII, XIII и нач. XIV в.в.

Новгородско-Бежецкие волости были расположены на юго - восточной окраине Новгородской республики. Новгород был заинтересован в обладании этими волостями прежде всего как районом промысловой добычи, доставлявшим сырье на Новгородский рынок, а кроме того, утверждаясь в Бежецких волостях он тем самым пытался усилить свое влияние на Великом Волжском пути, который связывал северо-запад с юго-востоком. Этот путь, по мнению историков (Платонов, Шахматов, Пресняков), имел весьма важное экономическое значение в VIII—IX в.в. но не замер и в следующих столетиях. Об этом свидетельствуют и археологические находки, и факт ранней зажиточности и доходности Ростово-Суздальской земли, который побуждал Киевских князей, занятых главным образом южной политикой и борьбой с кочевниками, все же заботиться

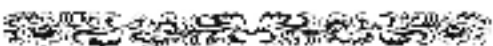

о сохранении в сфере своего влияния Ростова и Суздаля. Положение Новгородско-Бежецких волостей по соседству и в районе дорог стариной транзитной торговли определяло их политическое значение для Новгорода; с одной стороны,- они защищали основной Новгородский путь к Волге по р.Мсте, с другой,- по окраинам района этих волостей проходили второстепенные подъездные пути, роль которых выполняли река Молога с ее притоками и р. Медведица.

Связи с Поволжьем имели для Новгорода громадное значение, так как оттуда шел в Новгородскую область хлеб. До тех пор, пока интересы междукняжеских отношений сосредоточивались на юге, в Киевской Руси, Новгородско-Бежецкие волости, соседившие с Ростово-Суздальской землей, не имели для Новгорода особо важного военно-стратегического значения. Но положение вещей изменилось, как скоро центр политической жизни передвинулся с юга на северо-восток. Можно думать, что до половины XII века Новгородско-Бежецкие волости не переживали опустошительных нападений врагов Новгородской республики; колонизация края и развитие в ней хозяйственной деятельности протекали до половины XII века в мирной обстановке.

С момента возвышения Ростово-Суздальской области можно отметить особый интерес Суздальских князей к Новгороду. Этот интерес заключался в стремлении обеспечить за собой господство на путях из Новгорода в Поволжье. В связи с политикой Суздальских князей выросло военно-стратегическое значение Новгородско-Бежецких волостей, но обстановка для развития хозяйственной деятельности изменилась к худшему.

Исторические памятники не так обильны сообщениями о Новгородско-Бежецких волостях, но приводимый ими факт весьма показателен для характеристики их положения во второй половине XII в. Летописное известие, определенно упоминающее Бежецкий край, относится к концу XII в., к 1196 году. Стремление Владимиро-Суздальских князей утвердить свое влияние в Новгороде имело для последнего и положительные, и отрицательные стороны. Интересы Суздальских князей были достаточно близки В. Новгороду, развившему в XII веке широкое наступление на западных и восточных финнов; суздальские

князья были сильнее других и могли оказать Новгороду реальную поддержку в их борьбе с внешними врагами; но в то же самое

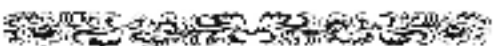
время они были опасны для Новгорода, так как выступали со своим собственным пониманием политического значения князя, находившимся в полном противоречии с Новгородской «стариной и пошлиной». Поэтому мы видим колебания в Новгородской политике, видим иногда попытки Новгорода противопоставить суздальским князьям то князей смоленских, то князей черниговских. Подобный факт относится и к 1196 году. Новгородское вече прогнало Ярослава Владимировича, свояка Всеволода Суздальского, и пригласило к себе Черниговского князя из линии Ольговичей. Ярослав утвердился в Торжке и брал дань по всему Верху. Политика Ярослава оказалась удачной. За отсутствием подвоза хлеба, в Новгороде наступил продовольственный кризис, и он принужден был помириться с Ярославом.

Можно думать, что Новгородско-Бежецким волостям во 2-ой половине XII века не однажды приходилось испытывать на себе последствия своего положения между Суздалем и Новгородом, хотя летописи и упоминают об этом только один раз.

Невыгодное географическое положение Новгородско-Бежецких волостей сказалось и в событиях XIII века: в это время мы видим разорение Бежецких волостей и южными, и западными врагами восточного славянства.

На конец четвертого десятилетия XIII века падает татарское нашествие на северо-восточную Русь. Летописи не сохранили нам точных данных о том, насколько пострадали Новгородско-Бежецкие волости от татарского погрома, но известные нам события из эпохи татарского нашествия заставляют думать, что Бежецкие волости не остались в стороне от театра опустошительных действий татар. Дело в том, что известная в истории битва вел. кн. Юрия Всеволодовича с татарами на река Сити произошла, по свидетельству Воинова, которое подтвердилось позднейшими исследованиями, в пределах Новгородско-Бежецких волостей, в современном Кашинском уезде, близ села Боженок. Естественно, что татарами были опустошены и окрестные области, т. е. территория Новгородско-Бежецких волостей. Недаром и Воинов начинает историю нашего края с разорения его татарами в 1238 году.(1)

Существует целый ряд местных преданий, связанных с

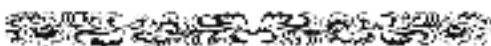

моментом татарского погрома; они касаются главным образом селений волости Бежиче (Талашманы, Хонеево, Алабузино), но сделать отсюда какие-либо выводы представляются совершенно невозможным.

Новое разорение, хотя может быть и менее серьезное, как по степени опустошения, так и по своим последствиям, постигло Бежецкий край в половине пятого десятилетия XIII века. Под 1245 г. Новгородская летопись сообщает о набеге литвы на Новоторжские и Бежецкие волости. Вот какими чертами изображает летописец это событие: «**Воєваша Литва около Торжкѹ і Бежици, и гнашася по нѣхъ Новоторжци съ княземъ Ярославомъ Володимиричемъ, и вишася с ними; і отъчша ѹ Новоторжцевѹ копи и самѣхъ виша, і пондоша съ полономъ проче. Погониша по нѣхъ Явидѣ и Ёрветѣ со Тѣѣричи і Дмитровци, і Ярославѣ съ Новоторжци; і виша я подъ Торопчѣмъ**». (2) Сюда подоспел Александр с Новгородцами, отнял 2 полонъ вев», а затем со своей дружиной погнался за врагом и нанес ему окончательный удар под Жижьчѣмъ». Литва и раньше беспокоила пограничные владения Новгородской республики, но не решалась заходить вглубь новгородских земель. Татарское нашествие ослабило Русь и развязало руки более мелким врагам. Их интерес заключался главным образом в грабеже и полоне, которые усиливали экономический упадок волостей и так пострадавших от татарского погрома. В дальнейшем набеги Литвы продолжались, и в 1258 г. Литва вновь приходила к Торжку. (3) Задел ли этот набег юго-западные пограничные части Бежецкого края - сказать трудно.

За татарским разорением и набегом Литвы последовал новый разгром Бежецкого края, на этот раз не от врага - инопленника, а от соседей тверитян.

С эпохи татарского нашествия окончательно прекратилась связь В. Новгорода с южной Русью, и установился обычай, что Новгородским князем был тот, кто носил великокняжеский титул. Это было подготовлено политикой Суздальских князей. В 1272 году возник спор за великое княжение между Василием Ярославичем Костромским и Дмитрием Александровичем Переяславским. Новгородцы признали сначала Дмитрия и послали его против Василия, который захватил Торжок, но принуждены были подчиниться великому князю, так как на

его стороне были татары. Во время этой борьбы Василий нашел себе союзника в лице Тверского князя Святослава Ярославича; последний направил свой удар на Новгородско-Бежецкие волости и подверг их жестокому опустошению и разорению. «Того же лѣта, (т.-е. в 1272 г.,) когда новгородцы призвали Дмитрия Александровича, читаем мы в Новгородской летописи, «приходи князь Василий къ Торжкѣ, и пожже хоромы, и посади тивѹн свой, и иде назадъ на Костромѣ; и Святослав с Тѣрѣнци начаша воевать волость Новгородскую: Волок, Бѣжици, Вологдѣ; а в Новгородъ высть хлѣбъ дорог, и ѹгостѣвников понизовьской земли товар отнимаша ».(4) Воевать волости - значило, по образному выражению летописца, творить «пакости», отнимать «снасть», брать 2полон2, т.-е. разорять, грабить и уводить в плен.

Местное предание сохранило память об этом разорении и считает его более губительным, чем татарский погром. К этому моменту некоторые (Постников) относят и факт перенесения административного центра из Бежичей в Городецко, хотя на данный предмет нет точных указаний источников. Естественно, что татарский погром, набеги литвы и, наконец, тверское нападение могли губительно отразиться на положении Бежичей, но едва ли сразу же, после 1272 года Бежичи потеряли значение укрепленного и административного центра; новгородская летопись и в XIV веке упоминает Бежичи и этим как будто не дает оснований для подобного утверждения. Вполне вероятно, по нашему мнению, другое предположение: укрепленный центр из Бежичей был перенесен в Городецко не в результате резкой катастрофы, а вследствие постепенного упадка Бежичей, как военно-опорного пункта, и в силу изменившихся политических связей и отношений Бежецкого края: центральное укрепление края находилось на левом берегу Мологи до тех пор, пока Новгородско-Бежецкие волости имели связи с В. Новгородом, и было перенесено на правый берег с того момента, когда эти связи изменились, когда Бежецкие волости оказались во владении Угличского князя, стали в политическом отношении тянуть не на запад, а на восток, о чем мы будем говорить впоследствии; если это так, то самый факт перенесения центра из Бежичей в Городецко нужно относить не к XIII, а к XV веку.

В начале второго десятилетия XIV века Бежецкий край должен

был испытать на себе последствия недоразумений между князем и Новгородом. В 1312 году у новгородцев вышла размолвка с великим князем Михаилом Тверским, который с 1305 года считался и князем Новгородским. «Заратися князь **Михайло к Новгороду**, говорит летопись, и наместники своя выведе, не пүстя обилья (т. е. хлеба) в Новгородъ, а Торжок зая и Бѣжичи і всю волость і иде владыка Давидъ во Тѣрь, весне, в распүтье, и доконча мїр; князь ворота отвори, а наместники своя присла в Новгород ».(5)

Не трудно заметить, что новгородская летопись упоминает о Бежецком крае обычно одновременно с сообщением о захвате Торжка. Последний был главным пунктом хлебной торговли, так как стоял на границе Новгородской земли и представлял собою главные ворота к хлебному рынку. Отрезать новгородцев от хлебного рынка, вызвать продовольственные затруднения в самом Новгороде и в Новгородской области и заставить Новгород пойти на уступки - обычный метод воздействия на него со стороны враждовавших с ним князей. Но, очевидно, захват Торжка не создавал еще полной изолированности Новгорода от Низа. Одновременно с захватом Торжка подвергались нападению и волости Бежецкие, которые защищали второстепенные, менее удобные, но все же достаточно налаженные пути к столь важному для Новгорода «Обилью».

Таким образом, географическое положение Бежецкого края на окраине Новгородских владений и второстепенные подъездные пути к Волге, находившиеся под защитой этого края, и объясняют нам как факт весьма серьезной заинтересованности Новгорода в обладании Бежецкими волостями, так и причины нападений на Бежичи со стороны князей, враждовавших с Новгородом.

Бежецкие волости занимали достаточно видное место в вопросах внешней политики Новгородской республики на юго-востоке; это ясно обнаруживается при внимательном взгляде на содержание договорных грамот Великого Новгорода с Тверскими князьями. В них особо оговорены интересы Новгородской республики в Бежецких волостях. Вслед за формулой-перечислением Новгородских волостей (текст ее уже нами приводился), которая являлась выражением признания верховного суверенитета Новгородской республики над

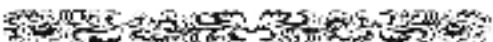
указанными волостями, грамоты говорят: «а въ Бѣжицахъ, князе, тебе, ни твоей княгини, ни твоимъ Боярамъ, ни твоимъ дворянамъ селъ не дѣржати, ни купити, ни даромъ примати... а из Бѣжиць людей не выводити в свою землю».(6)

Это требование договора весьма характерно. В нем нельзя не видеть той осторожности и настойчивости, с какой новгородские дипломаты пытались устранить возможность укрепления положения князя в Новгородско-Бежецких волостях путем приобретения последним земельных владений; даже даром принимать эти земельные владения не дозволялось. По существу -это детализация первой формулы, так как оговаривая свой верховный суверенитет над властями, Новгород тем самым отводил право князя на приобретение в них земельных владений.

Положение Бежецких волостей на окраине Новгородских владений создавало для них не особенно выгодную обстановку в смысле внешней безопасности и спокойного экономического развития. События XIII века должны были серьезно отразиться на хозяйственном благосостоянии края. Конечно, не все волости находились в одинаковом положении, но исторические свидетельства так скудны вообще, что не только не представляется возможности выделить какие-либо волости из общей характеристики, но и эту последнюю приходится строить на материалах общеисторического, а не специально местного значения.

Примечания

1. См. выше, гл. 1.
2. Новгород. Лет. Изд. Арх. К. СПб, 1888 г. Стр. 270 – 271.
3. Там же, стр. 279.
4. Там же, стр. 295.
5. Там же, стр. 314.
6. Соб. Г. Ги Д., т. 1., стр. 2 – 3 и др.

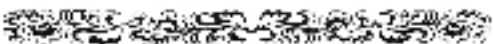

Х. Хозяйственный быт Новгородско-Бежецких волостей в XIII-XIV веках.

было указано, что основной тон хозяйственной деятельности населения Новгородско-Бежецких волостей давали географические условия и экономические связи с Новгородским рынком. И те и другие благоприятствовали развитию в крае добывающей промышленности; ею и занималась основная масса славянских колонистов, составлявшая низший слой населения и состоявшая из свободных людей - смердов, сидевших на землях Господина В. Новгорода или арендовавших земельные участки у новгородской знати, и зависимых - холопов, рабов, посаженных боярами на мелких пашенных участках или мелких промыслах. При значительном обилии естественных богатств и редкости населения, не было острой борьбы за лесные и водные пространства, но происходило постепенное их освоение. Обычно полагают, что «первоначальной земледельческой единицей (на территории новгородских владений в древнейший период новгородской колонизации) была деревня или село, состоявшее обыкновенно из одного двора или печища, в которой жила одна более или менее обширная крестьянская семья, и к которому

тяготела известная совокупность земельных угодий, притянутая к этому центру трудовым захватом».(1) «Местами, где прежде всего осаживалось население, пишет Ключевский, характеризуя русскую колонизацию по р.Оке, верхней Волге и Заволочью, были нагорные берега рек и сухие рамени его по окраинам вековых непроходимых лесов. Так вытягивались жилые полосы, обитаемые острова среди дремучих теперь исчезнувших лесов и заросших или заростающих болот».(2)

Охота в лесу и рыбная ловля в реках и озерах составляли основное содержание хозяйственной деятельности населения. Места в лесах, служившие ареною звероловства, носили название путиков и перевесищ. Под путиками разумелись ловушки для поимки зверя: силки и западни (ямы). Перевесищами назывались орудия ловли птиц. В лесу же бывали и «бортные ухажай», т. е. освоенные тем или иным поселенцем колоды деревьев с дикими пчелами, которые давали мед и воск. Может быть, воспоминание о бортях сохранилось в названии селения Бортники, расположенного в районе Моркиногорского лесничества; конечно, мы не можем сказать, к какому именно времени относится здесь промысловое использование бортей. Места рыбной ловли назывались езами. Около с.Еськи таких езов, по словам одного исследователя 70-х годов XIX века, «встарину было видимо-невидимо»; «устройство езов,- говорит тот же исследователь,- очень просто: в дно реки вбивают несколько рядов деревянных кольев, переплетают их прутьями, затем, вооружившись жердями, тыкают ими в воду и таким образом загоняют рыбу в езы». Хотя это описание рыбной ловли езами относится ко 2-й половине XIX века, способ ловли так прост и примитивен, что едва ли потерпел какие-либо изменения за несколько веков. Вообще же нужно сказать, что охота и рыбная ловля, являясь характерными особенностями хозяйственного быта XII-XIV в., сохраняли свое значение и в более позднее время; об этом свидетельствуют исторические памятники. Нужно полагать, что в отношении технических приемов охоты и рыбной ловли наблюдался консерватизм: в продолжение ряда веков эти приемы оставались неизменными. Кроме охоты и рыбной ловли, смерды и зависимые люди - арендаторы боярских земель, их рабы и холопы - занимались и земледелием. Нужно думать, что оно везде было однообразным и носило самый первобытный характер.

Отвоеванную у леса землю, использовали до полного ее истощения, а когда оно наступало, земледелец бросал старое пепелище и основывался на другом месте. «Очень долго, - говорит Ключевский, характеризуя земледелие в бассейне верхней Волги, - это было подвижное, полукучевое хозяйство на нови, переносившееся с одного едва насиженного места на другое нетронутое, и ряд поколений должен был подсекать и жечь лес, работать сохой и возить навоз, чтобы создать на верхне-волжском суглинке пригодную почву для прочного оседлого земледелия».(3) Если же земледелец оставался на старом месте, он запускал свою прежнюю пашню и разрабатывал новый участок. Запущенная пашня носила название лядин и переложков. По истощении нового участка земледелец обращался к лядине: рубил молодой лес, сжигал его и пахал. Воспоминания о таком пользовании землею сохранились до настоящего времени в именах некоторых селений, напр., Лядины, Ляцково, Опалево, Огорелок, Опалиха, Ляды и др. и в качестве пережитка до сих пор встречалось в малонаселенном лесном углу сев.-зап. части нашего уезда (Заручьевская волость).

Главными сельскохозяйственными орудиями были топор, коса и соха; употреблялись, очевидно, и серп и борона. Сеяли, главным образом, зерновые хлеба: рожь (озимую), ячмень и овес; из корнеплодов и стручковых - репу и горох; из технических культур имели место - лен, конопля и хмель; лен и конопля давали материал для приготовления одежды, а семена их использовались для получения масла. Обычно зерно превращалось в муку посредством ручных жерновов. «Новгородской земле, - пишет Никитский, - если не совсем, то во всяком случае мало известно было употребление физической силы воды и ветра; по крайней мере употребление мельниц, как ветряных, так и водяных было совершенно чуждо. Отдельные, крайне редкие указания на это встречаются очень поздно, в конце XV столетия, да и то исключительно во владычных и монастырских владениях».(4)

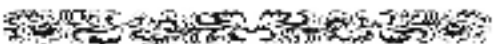
В отношении скотоводства у нас нет данных для достаточно точной его характеристики, но нужно думать, что оно, как и земледелие, носило весьма экстенсивный характер. Обычной рабочей лошадью был «шкабат», кляча. Рогатый скот также не вызывал особых забот хозяина; наибольшее распространение имели свиньи и овцы. Основные черты материального быта поселенцев Бежецкого

края в XIII—XIV веках определял окружавший поселения лес. Он давал материал для построек, орудий производства и предметов домашнего обихода, создавая своего рода эпоху деревянного века, пережитки которого сохранились в лесных уголках нашего уезда вплоть до настоящего времени. Деревянная курная изба, деревянные постройки, деревянная лодка однодеревка, деревянная острога, прутяная верша, лубяные сосуды, лыковая обувь - вот типичные для данной эпохи предметы материальной культуры.

Производственные и хозяйственные потребности заставляли поселенца, прежде всего, использовать даровой природный лесной

материал и побуждали его к развитию деревообрабатывающей промышленности. Промыслы по обработке дерева, конечно, и получили должное развитие, но они имели своей главной и исключительной целью удовлетворение потребностей собственного хозяйства. Такой же характер носила и промышленность по обработке льна и шерсти, из которых, главным образом, готовилась одежда для членов семьи. Работа с деревом, нужно думать, была работой мужчин, работа со льном и шерстью - работой женщин. Материалы для истории промышленности в эту

эпоху вообще весьма скудны, а по отношению непосредственно к нашему краю - совершенно отсутствуют, но можно думать, что один из промыслов в это время уже выделился из состава домашнего хозяйства и носил характер ремесла; это промысел кузнечный, на раннее развитие которого в Новгородской области есть указания исторических памятников. Может быть, наряду с кузнечным промыслом, нужно поставить и промыслы гончарный и кожевенный.

В силу преобладания в хозяйстве славянских поселенцев Бежецкого края элементов добывающей промышленности и установившихся с момента колонизации экономических связей с Новгородским рынком, хозяйство поселенцев не носило натурального строго замкнутого характера. Продукты охоты, главным образом, пушнина, шли на продажу. Вырученные средства обращались на покупку товаров обрабатывающей промышленности, которыми снабжался край тем же Новгородом.

Внутренний торговый оборот находился в руках новгородского купечества, которое являлось в край в качестве временных гостей и постепенно оседало в наиболее оживленных пунктах торговых водных путей. Осевшие в крае купцы (гости) составляли высший социальный слой Бежецкого общества в XIII и более поздних веках, который крепко держал в своих руках нити народного труда Новгородско-Бежецких волостей.

События XIII столетия неблагоприятно отразились на Новгородско-Бежецких волостях. Постоянные разорения, сопровождавшиеся грабежами, пожарами и полоном, мешали спокойной хозяйственной деятельности и подтачивали экономическое благосостояние смердов. Особенно сильно должен был отразиться татарский погром, - отразиться не столько, как временное опустошение, а своими последствиями, имевшими длительный характер.

Установление татарской дани ложилось тяжелым бременем на население и представляло собою ежегодное изъятие из народно - хозяйственного оборота весьма значительных средств. «Татары, говорит М.К.Любавский, истребляли, уничтожали народный капитал и тем обрекали на прозябание народное хозяйство, которое принуждено было ограничиться почти исключительно добыванием насущного пропитания населению и денег на уплату

дани и пошлин русским князьям и татарскому хану».(5)

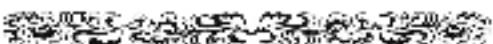
Новгородские земли, как известно, не так сильно пострадали от татарского погрома, но опустошение северо-восточных областей, с которыми у Новгорода были оживленные торговые связи, несомненно, сократило внутренний товарооборот. Под влиянием татарского ига хозяйство северо-восточной Руси было задержано в своем развитии и регрессировало от денежного к натуральному.

Нужно думать, что все эти общие положения имеют значение и для Бежецкого края. И здесь в эпоху, следовавшую непосредственно за нашествием татар, мы должны предполагать заметное обеднение населения и сокращение товарного оборота; сбыт пушнины продолжался, но средства, вырученные в результате работы на внешний рынок, шли теперь, главным образом, на уплату дани.

В силу отмеченных выше условий должен был повыситься интерес к той отрасли хозяйства, которая раньше не играла первенствующей роли, - к земледелию.

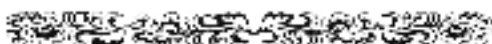
Внутренние неурядицы и между-княжеская борьба, которые весьма часто сопровождались разорением Новгородско-Бежецких волостей, выбивали многих смердов-земледельцев из налаженной хозяйственной колеи и превращали их из свободных самостоятельных хозяев в экономически-маломощных людей, которые могли хозяйствовать только при условии посторонней помощи. Преобладающее значение добывающей промышленности в прошлом благоприятствовало сохранению хозяйственной самостоятельности смерда, так как занятия ею вообще не требовали значительных затрат капитала. Положение вещей должно было измениться в связи с переходом первенствующего хозяйственного значения к земледелию.

С другой стороны - общий подъем интереса к эксплуатации земельных угодий заставлял представителей экономически сильных слоев населения, главным образом, бояр, вкладывать свои средства в землю, воспользовавшись наличием нужды крестьянской массы в капитале. Насколько широко захватил Новгородско-Бежецкие волости процесс развития боярского землевладения, равно как и насколько широка была боярская оккупация земель в эпоху колонизации - сказать трудно в силу отсутствия материалов, но нет оснований сомневаться в их наличии.

Примечания

1. Рожков И.И. Указ. соч., т. III, стр. 294.
2. Ключевский В.О. Боярская Дума, стр. 84 – 85.
3. Ключевский В.О. Указ. соч., стр. 98.
4. Никитский А.И. Очерки по истории эконом. быта В.Новгорода, стр. 69.
5. Любавский М.К. Древняя русская история до конца XVI в. М.1918, стр.154.

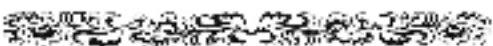

XI. Политика московских князей в отношении Бежецкого Верха.

С 1328 года, с момента получения в орде Иваном Даниловичем ярлыка на великое княжение и старейшинства во всех князьях русской земли, великокняжеский титул окончательно утверждается за Московскими князьями. С этого же момента начинается и их политика, направленная к захвату Новгорода, начинается наступление на новгородские вольности. Бежецкий Верх, как пограничное владение Новгорода, прежде всего и испытал на себе последствия этой политики.

Первое известие Новгородской летописи, упоминающее о Бежецком Верхе в связи с политикой Московских князей, относится к 1332 году. **«Того же лета, читаем мы в летописи, великий князь Иван приде из Орды и възверже гнѣвъ на Новѣгород, прося у них серебра Закамьского, и в томъ взя Торжок и Бѣжичский верхъ чересъ крестное цѣлованіе».**⁽¹⁾

Предъявленное к Новгороду требование носило фискальный характер: Иван Данилович требовал дани, собиравшейся

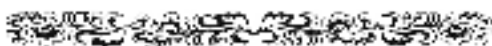

новгородцами с Закамской земли. Очевидно, это требование было вызвано стремлением Ивана привлечь Новгород к участию в расходах по покрытию тех крупных финансовых обязательств перед Ордой, которые он принял на себя вместе с великокняжеским титулом. Для подкрепления своего требования в 1333 г. «**приде князь Иванъ в Торжокъ съ всеми князи Низовьскими и с Рязаньскими, и присла в Новъгородъ, (и) сведе наместники, а самъ съде в Торжкѹ отъ Крещения до Бвора, теряя волость Новгородскѹю** ». (2) Толкование приведенных выдержек из новгородской летописи несколько затруднительно, так как они как-будто устанавливают два захвата Торжка; по мнению Преснякова, «в первой записи - о столкновении из-за серебра - лишь указаны его последствия и, может быть, посылка передового отряда». (3)

Новгородцы послали к великому князю послов и приглашали его в Новгород, но он «**молвы не приялъ, а нхъ не послѹшалъ, а мирѹ не да, поѣха прочь** ». Также неудачно окончилось и второе посольство под руководством владыки Василия, которое предложило Ивану Даниловичу 500 рублей с тем, чтобы он «**свободъ бы ся отстѹпил, по крестьномуѹ цѣлованію** ». (4)

Изложенные недоразумения Новгорода и Москвы побудили новгородцев к ориентации на Литву; эта ориентация замечалась и раньше и вызывалась стремлением к освобождению от татарской власти и ордынского «выхода» (дани): великий князь Литовский был представителем независимой от Орды политической силы, а Московский князь выступал, как представитель ордынской власти и ее требований. Однако, соображения практической политики заставили Новгород искать примирения с Иваном Даниловичем. Оно и состоялось в 1335 году, когда великий князь «**целовалъ крестъ к Новѹгородѹ по старой пошинѹ Новгородчкѹ и по Ярославскимъ грамотамъ** ». (5)

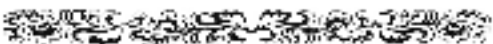
В интересах усиления своего влияния на Новгород, Московский князь не мог безразлично смотреть на подъездные пути из Новгородской области к Волге, в частности на Моложский путь. Мы не имеем возможности с хронологической точностью установить последовательность событий, знаменовавших укрепление московских позиций, но очевидно, что оно в отношении Бежецкого края шло по направлению с востока на

запад. Новгородско-Бежецкие волости граничили на востоке с Угличскими землями; последние в XIII веке составляли удел младшего сына великого князя Константина Всеволодовича; из духовной грамоты Дмитрия Ивановича Донского мы узнаем, что Углич был куплею Калиты; Москва оказалась непосредственной соседкой Бежецкого края. Младший сын Дмитрия Донского владел уже и Угличем, и землями по среднему течению р. Мологи - Устюжной и Весью Егонской (волость Егна). Духовная грамота Василия Дмитриевича 1406 года упоминает куплю Ивана Даниловича в Бежецком Верху - село Максимовское с деревнями (на территории волости Бежиче, по р. Могоче). Духовная того же князя 1423 года говорит нам о примыслах Ивана Даниловича в Бежецком Верху; такими примыслами духовная называет Кистьму (на территории старой Новгородской волости Шипино) да села Онтоновские (очевидно, на территории волости Бежиче). Новгородская дипломатия, так старательно ограждавшая в предыдущий период свои верховные права на Новгородско-Бежецкие волости и оговаривавшая в договорах право не позволять князьям приобретать на новгородской территории земельные владения, должна была, очевидно, уступить настойчивости Московской политики.

Все приведенные выше факты заставляют полагать, что московские князья выполняли определенную программу по отношению к Новгородско-Бежецким волостям, программу захвата Моложского пути.

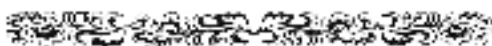
Во время борьбы Москвы и Твери, падающий на 70-е годы XIV в., Бежецкий Верх вновь испытал на себе последствия своего географического положения. В 1371 году Михаил Тверской идет походом на Кострому и по пути разоряет Бежецкий Верх. Здесь он оставляет своего наместника - Никифора Лыча. Но положение Тверского

князя в Бежецких волостях оказалось непорочным: войска Московского князя в том же году выгнали тверитян из Бежецкого Верха и убили Никифора Лыча. В следующем 1372 году Тверской князь вновь направил свой удар на территорию Бежецкого Верха и разорил Кистьму.

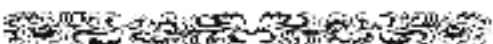
Положение Бежецкого Верха в эпоху признания Новгородом власти великого князя Московского не изменилось к лучшему сравнительно с предшествующим временем; для спокойной хозяйственной деятельности по прежнему не было достаточных объективных условий. Население Новгородско-Бежецких волостей едва ли было довольным своим положением; оно несомненно тяготилось постоянной опасностью нападений и разорений и питало симпатию к тому, кто был силен и мог защитить край от посягательств более мелких врагов-соседей и общего врага - татар. В этом отношении весьма показателен факт участия бежичан в походе Дмитрия Ивановича Донского на Новгород в 1386 году. Очевидно, что соображения политического и экономического характера толкали Бежецкий край к Москве. К концу XIV века Москва настолько усилилась и стала авторитетной в глазах населения, что для Новгорода было уже трудно отстаивать свои верховные права на Бежецкий Верх.

При приемнике Дмитрия Донского, великом князе Василии Дмитриевиче, у Новгорода вновь возникли серьезные недоразумения с Москвой. Московский князь стремился к усилению своего финансового положения и склонен был считать, в качестве установившейся нормы, взимание черного бора, т. е. поголовной подати со всего населения новгородских владений, тогда как сами новгородцы уплату черного бора при Дмитрии Донском считали исключительным фактом и не думали повторить подобных платежей. Василий начал в 1393 году борьбу с Новгородом с захвата Торжка, где была достаточно сильной московская партия; одновременно он захватил Волок Ламский и Бежецкий Верх. Новгородцы отвечали захватом Устюжны и разгромом Устюга, но принуждены были заключить мир «по старине» и дали обещание платить черный бор. Однако, мирные отношения Новгорода с Московским князем были весьма непродолжительны. Московский князь решил воспользоваться борьбой партий внутри отдельных областей Новгородской

республики и, опираясь на сторонников Москвы, отнять у Новгорода Двинскую землю; одновременно с этим он занял Торжок, Волок Ламский и Бежецкий Верх. Это было в 1397 году. Новгородцы отправили посольство к великому князю с мирными предложениями, но последний **«владычня благословеша и слова добра не принял, а от послов Новгородчкых чоловитья, а от Новгорода нелюбья не отложил, а мирю не дал»**. (6) Несогласие великого князя на мирные предложения новгородцев вызвали поход последних в Заволочье; новгородцы, по сообщению летописи, разграбили великокняжескую Белозерскую волость, захватили Кубенские волости, разорили окрестности Вологды и заставили двинян признать новгородскую власть. Между тем несколько раньше окончания похода новгородцев был заключен мир с великим князем «по старине», т.е. Василий Дмитриевич согласился отказаться от Двины, Торжка, Вологды, Волока и Бежецкого Верха. Как показывают дальнейшие события, Москва не выполнила своих обещаний.

По смерти Василия Дмитриевича произошло некоторое замешательство в вопросе о великом княжении; соперником Василия Васильевича, сына Василия Дмитриевича, выступил Юрий Дмитриевич; в 1432 г. Василий Васильевич получил от хана великокняжеский титул, но в 1434 году Юрий Дмитриевич взял Москву и сел на великом княжении. Василий Васильевич нашел приют в Новгороде. Когда по смерти Юрия Василий Васильевич утвердился в Москве, новгородцы приняли у себя его врага - Василия Юрьевича (Косого), который, возвращаясь оттуда, **«много погравнъ дѣдѹци по Мьстѣ и по Бѣжичкомѹ верху и по Заволочью, и много зла бысть от него»**. (7) По утверждении Василия Васильевича на великом княжении, он согласился заключить с Новгородом мир на условии **«отступитесь князю великомѹ Новгородчкѹ отцины, Бежичкого верха и на Ламьском волокъ и на Вологдѣ; а Новгородчкым бояром отступитися князьщину, гдѣ ни есть»**. (8) Но великий князь не выполнил условий. В 1436 году, по сообщению новгородской летописи, **«послаша Новгородци на отводѣ земли на Бѣжичкый верх посадник Григорій Кюриловичъ и Ивана Максимова, а житных Күзмѹ Тарасина, Ивана Максимова, а иных на Ламьскій волок и на Вологдѹ; и князь великій своихъ и бояръ не посла, ни отцины**

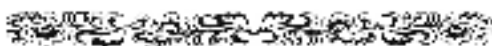
Новгородчкѡй нигдѣже Новгородѡм не отводѣ, не исправы, не учини». (9) Бежецкий Верх остался во владении Московского князя.

Может быть, к этому времени нужно отнести один факт, упоминавшийся нами раньше, а именно: при захвате Бежецкого Верха Москвой, может быть, Новгород сумел фактически оставить в сфере своего влияния его незначительную территориальную часть, географически более тесно связанную с собственно новгородской областью и заключавшую в себе район Рыбаньска и Выизьска, которые, по данным Устава Святослава, входили в состав волостей Бежиче, а впоследствии считались территорией Бежецкой пятины.

Таким образом, 1397 год нужно считать годом присоединения Бежецкого Верха к Москве. С этого момента начинается новый период в истории Бежецкого края - период Московский.

Примечания

1. Новгородская летопись, стр. 327 — 328.
2. Там же, стр. 328.
3. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства П.1918г. стр.143.
4. Новгородская летопись, стр. 328 и 330.
5. Там же, стр. 336 и 330.
6. Там же, стр. 384.
7. там же, стр. 415.
8. Там же, стр. 416.
9. Там же, стр. 417.

Содержание

Слово редактора.	
Климин И.И. Предисловие к книге А.И. Михайлова «Очерки по истории Бежецкого края (новгородский период).....	
От автора	
I.Критика преданий об основании Бежичей	
II.Первые упоминания исторических памятников о Бежецком крае	
III.Основные направления славянской колонизации в Бежецком крае	
IV.Географические условия Бежецкого края в эпоху славянской колонизации и основные черты хозяйственного быта славянских поселенцев	
V.Бежецкий край и Бежецкая пятина Великого Новгорода	
VI.Географическое понятие «Бежецкий край» в XVII – XVIII столетиях	
VII.Новгородские волости, вошедшие в состав уезда Бежецкого Верха	
VIII.О происхождении названия «Бежецкий Верх»	
IX.Характеристика положения Новгородско-Бежецких волостей в составе владений В.Новгорода в XII, XIII и нач. XIV веков	
X.Хозяйственный быт Новгородско-Бежецких волостей в XIII – XIV веках	
XI.Политика московских князей в отношении Бежецкого Верха	

Историко-краеведческий альманах «Бежецкий край» Выпуск №1

Учредитель и главный редактор В.В.Козырев
Компьютерный набор и верстка В.В.Козырев

Издательство «Ванчакова линия»
Редактор Е.И.Ступкин
Корректор Ф.Е.Мочалова

Фото: В.В.Козырева, А.Павлова,
А.Крохмалюка,
архив газеты «Бежецкая жизнь»,
архив Л.Д.Широковой (Москва)

Усл. печ. листов 00. Печать офсетная. Заказ № 00
Тираж 000 экз.

Отпечатано в филиале ОАО «ТОТ» Вышневолоцкая типография
171163, г. Вышний Волочек, ул. Екатерининская, 51

Бывают чудные минуты,
Отрады полные святой,
Когда небесной лиры звуки
Как бы беседуют с душой...

Игуменья Таисия Леушинская